

Владимир
КОЛЫЧЕВ

**БРАТ,
ДЕРЖИ УДАР!**

ЭКСМО

Брат

Владимир Колычев

Брат, держи удар!

«ЭКСМО»

2001

Колычев В. Г.

Брат, держи удар! / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2001 — (Брат)

Никита Брат в ярости: его, прошедшего огни и воды, не раз глядевшего в глаза смерти, травят как зеленого фраера. Кто бы он ни был, его новый враг, но бьет он точно и безжалостно. И уж теперь, после побега из СИЗО, куда Брат попал по обвинению в убийстве, за ним гонятся и менты, и братки. Последнего удара ждать уже недолго. Но у Никиты в крови главная заповедь его жизни – Брат, держи удар!

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
1	5
2	11
Глава 2	19
1	19
2	22
3	25
Глава 3	31
1	31
2	36
3	40
Глава 4	46
1	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владимир Колычев

Брат, держи удар!

Часть первая

Глава 1

1

Никите нравился Розенбаум. И песню про уток он знал. Память сама выдала эти слова: «...лечить так лечить, стрелять так стрелять».

Только сам лично стрелять он не больно-то любил. Было дело – убивал. Людей. Но ведь по крайней необходимости. А утки что ему плохого сделали? Чем перед ним провинились? Тем, что нагуляли жирок за лето и первый месяц осени? Так ведь у Никиты свой отель, целый ресторанный комплекс к его услугам – не голодает он...

Но на охоту он отправился вместе с приятелями. Он любил сам процесс. Золотая осень. Солнце светит прямо в глаза... вокруг красота, достойная картин Левитана. И воздух свежий – так легко вдыхать его полной грудью. Приятно слушать, как шелестит под ногами опавшая листва. Нет ничего лучше, чем блуждать по желто-красному лесу.

Их всего трое. Никаких загонщиков с рожками и флажками – вместо них дюжие ребята в камуфляже. Это охотники за зверем, но не за лесным – за двуногим. И Никита, и Павел, и Юрий – люди серьезные, у всех есть враги. Поэтому с ними телохранители. По два человека на брата. Их не видно – только слышно, как шуршат их тени где-то поблизости.

– Говорят, ты, Никита, у нас теперь продюсер? – спросил Юрий.

Здоровый дядька. Пудов на восемь тянет. Ходить ему нелегко. Двойной подбородок и пивное пузо к земле тянут. Вот кому пешая прогулка на пользу.

– Скорее спонсор...

Никита не отказался от Лели, от подруги не столь уж давних дней суровых. Она хотела стать эстрадной звездой. Пожалуйста, какие проблемы... Никита вложил в нее деньги, дал толчок к раскрутке. А вплотную ею занимается Валера – он для Лели и продюсер, и администратор. И друг сердечный. Недавно она первый клип отсняла – пару раз его по ТВ прокрутили. До звезды Леле еще далеко. Но перспектива есть. Никита уверен в ней.

– А ты с этой девочкой не того?.. – спросил Павел.

Он знал, про кого речь. И отсюда нездоровый интерес. Не спит ли Никита с певицей Лелей?..

Вообще-то, за такой вопрос можно и по морде схлопотать. Но Никита сегодня добрый.

– Сам знаешь, у меня жена...

– Да я тоже своей жене никогда не изменял, – покачал головой Павел. – А с этой бы девочкой... Может, дашь адресок?.. Я ее не обижу, обещаю...

Никита в этом и не сомневался. Павел – хороший парень. Это в бизнесе он волк матерый – зубастый, клыкастый. Тридцать лет ему всего – а уже президент крупной нефтяной компании. А так он добряк. И примерный семьянин.

– Эй, братишка, что за дела? – удивленно отозвался Юрий. – Ты ж, кроме Катерины своей, и знать никого не хочешь...

Жена у Павла – настоящая красавица. И человек хороший. Он и Катя – идеальная пара. По крайней мере, так считалось до сих пор. И Павел не уставал всех в этом убеждать. А тут на тебе, налево парня потянуло.

– Не знаю, – кивнул Павел, – знать никого не хочу... Мне, правда, только Катя нужна... Только болеет она сейчас. Желтуха. Блин, где она ее подхватила?..

– Болезнь Боткина – это не есть очень хорошо, – авторитетно заявил Юрий.

– С Катей все в порядке. Послезавтра уже выписывают. Соскучился. Меня ж к ней в палату не пускали. Типа, заразно...

– И по жене ты, Паша, соскучился. И по сексу, – сказал Юрий. – Может, правда, девочку тебе поднять? Могу помочь...

– Да ладно, перетерплю. Немного осталось...

Они подходили к болотистому пруду. Темное зеркало воды, камыш вдоль берега. И утки.

Павел первым вскинул ружье. Дорогой у него инструмент, фирменный. Настоящий «зиг-зауэр».

У Никиты помповый «винчестер». Но в ход «пушку» он пускать не стал. Птичку жалко. Но и Павлу мешать не собирался. Вольному воля.

Под шорох крыльев и с криканьем утки стремительно поднимались вверх. Павел прицелился. Нажал на спусковой крючок. Раз, два... Но ружье молчало.

– Что за черт! – досадливо сморщился Павел.

И быстро переломил ствол – патроны сменить.

Никита вздрогнул от выстрела. Он раздался в тот момент, когда Павел только тянул руку к первому патрону, чтобы вытащить его из ствола.

Один выстрел, второй. И оба из переломленных стволов. Заряды картечи вырвали из земли клочья пожухлой травы. Одна гильза на убийственной скорости вылетела из ствола и выбила Павлу глаз. Вторая смяла ему носовой хрящ.

Павел и ахнуть не успел. Обливаясь кровью, он мешком рухнул на землю. Никита склонился над ним, попытался нащупать пульс. Но, увы, его приятель был уже мертв...

* * *

От Сергиева Посада до Москвы совсем недалеко, семьдесят километров. Для такого дисциплинированного водителя, как Марта, час пути. Она любила посещать Троице-Сергиеву лавру. Успенский и Троицкий собор, Духовская церковь – святые места, все здесь дышит любовью к богу, теплом и умиротворением.

Но надо и домой возвращаться. Машина у нее самая обычная – «десятка». Запросто могла бы на «Порше», «Феррари» или спортивном «Мерседесе» ездить. Но для нее и «Лада» – это слишком. Она бы и от нее отказалась, если бы полагала, что машина – роскошь, а не средство передвижения...

Марта считала себя счастливой. А как же иначе? Для настоящего человеческого счастья у нее все есть. Вера в бога, семья – добрый? заботливый муж, дети: маленькие Денис и Вероника. Все у нее хорошо. Одно плохо – много злых людей в этом мире. Бог им судья – это так. Но, увы, были случаи, когда ей самой приходилось выступать в роли судьи. Не хотела она этого – жизнь вынуждала...

Обычно в путешествие по святым местам она брала Дениса и Веронику. И Никиту иногда. Но сегодня будто кто-то свыше помешал ей взять с собой мужа и детей. В Сергиев Посад она отправилась одна. И обратно возвращалась в смиренном одиночестве.

Ее не одолевало предчувствие беды. Настроение отличное. Марта знала, что с ней ничего не может случиться. Бог всегда рядом, он поможет ей. И домой к детям и мужу она вернется целой и невредимой.

Машина легко идет по шоссе. Скорость – всего семьдесят километров в час. Рука твердо держит руль. Все внимание на дорогу... Нет, с ней ничего не может случиться...

До Кольцевой автострады оставалось совсем немного, когда машина вдруг дернулась. Руль с силой рвануло вправо. Марта не смогла удержать его. «Десятка» сильно накренилась. Марта растерялась, ударила по тормозам – а этого делать нельзя. Машину развернуло вокруг оси, выбросило на обочину дороги, она перевернулась и свалилась в кювет.

Хорошо, Марта была пристегнута ремнем безопасности – он смягчил удар. Ничего с ней не случилось – разве что несколько ушибов. Да еще головой при падении несильно стукнулась.

Она отстегнула ремень безопасности. И попыталась выбраться из перевернутой машины. Но вдруг неподалеку послышались чьи-то голоса...

* * *

– Значит, вы утверждаете, что гибель Павла Юсупова произошла в результате трагического стечения обстоятельств...

– Я ничего не утверждаю, – нахмурился Никита. – Я лишь рассказал вам, что и как было. А выводы пусть делает следствие...

Не нравился ему этот сублильный типчик с колючим ехидным взглядом. Следователь межрайонной прокуратуры Иван Аркадьевич Живчик. Одна фамилия чего стоит.

– Но разве вы не задавали себе вопрос, почему ружье выстрелило с большим запаздыванием? Как раз в тот момент, когда Павел Юсупов собирался его перезарядить...

– Не знаю, может, капсюль и порох в патроне отсырели, – пожал плечами Никита. – Может, еще что... В общем, вам видней, что да как. А я не специалист...

– И умываете руки? – Следователь улыбнулся так, как будто поймал Никиту на чем-то стыдном.

– Разве я вам это говорил? – еще больше нахмурился Никита.

Его так и подмывало схватить этого Живчика за шиворот и вышвырнуть из кабинета. Чтобы тот не доставал его своими каверзными вопросами. Но, естественно, он сдержал этот порыв, недостойный человека его положения.

– Павел Юсупов – мой друг. И мне искренне жаль, что с ним случилось такое несчастье...

– Это не просто несчастье, – оборвал его следователь. – Это хорошо организованное убийство. В ружье были патроны с замедлителем. Принцип действия механизма вам, конечно, известен...

– Почему «конечно»?.. – возмутился Никита. – Уж не хотите ли вы сказать, что это я подсунул Юсупову эти патроны?..

– Ну что вы, что вы! – будто насмеялся над ним Живчик. – Как я могу такое утверждать? Ведь Павел Юсупов был вашим другом... Кстати, а как давно вы с ним... гм... дружите?

– Мне не нравится ваш тон. Мне не нравятся ваши намеки. И если вы не сделаете правильных выводов, вам придется покинуть мой кабинет. И мой адвокат оформит соответствующее письмо прокурору Москвы. Можете не сомневаться, он ознакомится с жалобой лично...

– А я и не сомневаюсь, – усмехнулся Живчик. – Вы человек с большими связями... Прошу прощения, если чем-то обидел вас... Итак, меня интересует: как давно вы дружили с покойным Павлом Юсуповым?

Следователь вроде бы спрятал свои иголки. Стал покладистым – по крайней мере, внешне. И Никита подобрел.

– Вряд ли наши отношения можно назвать дружескими, – сказал он. – Скорее они были приятельскими. Мы с ним познакомились год назад. И наши отношения начались отнюдь не с дружественной ноты. Павел Юсупов – президент нефтяной компании. И у меня свои интересы

в этом виде бизнеса... Да, был случай, когда наши интересы пересеклись. Вдаваться в подробности я не буду, это ни к чему...

– Отчего же? – приподнял брови следователь. – Мне, например, было бы интересно...

– Да нет тут ничего интересного. Обычное недоразумение. Кто-то из нас двоих должен был получить заказ от одной крупной заграничной фирмы...

– Тендер?

– Да, что-то вроде того...

– И какова предполагаемая выгода от этого заказа?

– Вообще-то, это коммерческая тайна.

– И все же.

– Около двух миллионов долларов.

– Совсем немного, – не удержался от ехидства Живчик. – Особенно если учесть, что у нас в стране легко могут убить за сто долларов... Ох, извините, если вы приняли этот комментарий на свой счет!..

– Нет, этот комментарий я бы отнес на ваш счет, – парировал Никита. – Куда смотрит милиция и прокуратура, если у нас в стране убивают за сто долларов?..

– По-моему, мы отклонились от темы...

– По-моему, тоже... Тем более, до конфликта между мной и Юсуповым дело не дошло. Мы уладили все недоразумения. И закрепили мир на дружеском банкете...

– А как часто вы ходили с ним на охоту?

– Пару раз. Позавчера был третий...

– Вы большой любитель охоты?

– Скорее напротив. Но мне нравится бродить по лесу с ружьем...

– Не бойтесь человека с ружьем, – улыбнулся Живчик. – Так, кажется, говорил товарищ Ленин... Ошибался вождь...

– Вы извините, но у меня нет времени выслушивать ваши досужие слова... У вас еще есть ко мне вопросы?

Следователь кивнул. У него были вопросы. Много вопросов. Никита догадывался, что этот Живчик не прочь перевести его из разряда свидетелей в разряд обвиняемых. Но не получится у него это. Ни в чем Никита не повинен. Может быть, убийство из разряда заказных, но он к нему не причастен. И любые потуги следователя доказать обратное приведут к одному результату – обделается дяденька. Прав Живчик, Никита – человек с большими связями. И всегда найдет управу на зарвавшегося следователя.

Никиту можно прижать только одним – железной уликой. Например, отпечатками его пальцев на злополучном патроне. Но этого нет. И быть не может.

Живчик собирался задать очередной вопрос, когда в кабинет без всякого предупреждения вошла Тамара, секретарша.

Хорошая девчонка. Красивая, толковая. В недавнем прошлом они вместе в одной переделке побывали. Сдружились. Никита ее к себе секретаршей взял. Потому как доверял ей. Опыта у нее мало, но это дело наживное. Главное, чтоб надежная была, чтобы в трудную минуту не подвела.

Никита уважал Тамару. Но тем не менее нахмурился. Никому не позволено входить к нему в кабинет без предупреждения.

Он посмотрел на Тамару. И его брови полезли вверх. В глазах вспыхнула тревога. Слишком уж бледный вид имела девчонка.

– Никита!..

По имени к нему обратилась. Одно это о многом говорит.

– Только что звонили... Марта... – выдавила из себя Тамара.

– Что Марта?.. – Никиту будто ужалили – так резко сорвался он с места.

– Твоя жена в реанимации...

Все остальное Никита уже дослушивал на ходу. Он забыл и про следователя, и про все на свете.

Марта попала в автокатастрофу. На Ярославском шоссе у ее «десятки» отвалилось колесо. Машина потеряла управление и перевернулась.

Говорил же, чтобы она дорогую иномарку подобрала. Тот же «Мерседес». И на дороге машина устойчивей, и подушка безопасности, колеса не отваливаются. А она заладила – нескромно, мол, на роскошной иномарке ездить. Разве ее переубедить...

На скоростном лифте Никита спустился в рабочий вестибюль своего отеля. Машина уже стояла у подъезда. Под парами. Он прыгнул в нее, сказал водителю, чтобы гнал в больницу. И только когда машина уже тронулась с места, заметил, что и Тамара едет с ним. Впрочем, он не возражал.

* * *

Пивка для рывка, водки для заводки... Винца для поднятия конца – это еще рановато. У Тамары рабочий день не закончился. И у него, между прочим, тоже... Хотя ну его на фиг, этот рабочий день!..

Филя вынул из кармана плоскую фляжку с водкой, сделал пару глотков. Кровь в жилах заиграла еще сильнее. В голове – и без того не шибко тяжелой – стало еще легче.

– Городков, твою мать, ты еще здесь? – чуть ли не с кулаками набросился на него распорядитель.

Вот бы подносом его по лысой башке огреть!..

– А что? – недовольно буркнул Филя.

– Давай шустрей... Там клиент ждет...

«Ага, щас, бросился!..»

Филя Городков обреченно вздохнул и направился в зал. Клиент ждет, мать его за ногу!..

С детства не любил он работать. Всю бы жизнь на печи пролежал. Благо мать и отец живы, есть кому сухарик подать...

Только не любил он сухарики. Ему больше шашлычки да черная икорка в кайф. И винцо с водочкой для поднятия тонуса. А где все это взять? Родители его от зарплаты до зарплаты едва дотягивают. Откуда деньги?..

Но не так давно ему крепко повезло. С девчонкой классной познакомился. Она только-только из какого-то провинциального городишки в столицу перебралась. И не абы куда, а в квартиру, которой ее одна очень солидная фирма обеспечила. Филя – парень что надо. Ростом под потолок, красивый, синие глаза. Девчонки на него западают. И эта запала. Через недельку после знакомства ножки раздвинула, еще через пару деньков к себе под крылышко забрала. Квартирка у нее прилично обставлена – за счет фирмы. И зарплата дай бог каждому – полтысячи долларов, и не в месяц, а в неделю, во как!..

Как сыр в масле Филя кататься может. Так на фига, спрашивается, ему официантом в затрапезном кабаке ишачить, за копеечные чаевые? К Тамаре на шею он уже забрался, а вот ноги еще не свесил. Но так ведь это запросто – только с работы уволиться, всего-то делов...

Развязной походкой он подошел к столику. Парень молодой и пожилая мадам. Филю передернуло, когда он глянул на нее. Ну и страхолюдина. А еще хорохорится. Штукатурка на дряблом лице, цацками-пещками золотыми обвешалась. И его шалавливым взглядом окатила. От слова «шалава»... Ей-бо, сейчас стошнит...

– Мальчики, вы уж тут разберитесь, – жеманно протянула она. – А я сейчас...

Филя облегченно вздохнул, когда мадам исчезла в направлении сортира. Пусть отошьет. А ее бойфренд заказ сделает. Альфонс хренов...

– Молодой человек, а вы не подскажете, какое вино к красной рыбе лучше подходит? – спросил парень.

Филя скривился. Ну и типчик, хвост перед жабой своей расфуфырил. Смотри, типа, какой я тонкий ценитель вин. Да только хрен ему по всей морде. Филя и сам в винах не разбирается.

– А на кой тебе вино? – подмигнул он парню. – С таким крокодилом тебе водяра нужна, да побольше....

– Я вас не совсем понял, – в недоумении посмотрел на него парень.

– Да чего тут понимать? Не лицо у твоей бабы, а задница... Но сам знаешь, – Филя снова подмигнул ему. – Не бывает уродливых женщин, бывает мало водки... Могу порекомендовать...

Договорить он не успел. Парень поднялся со своего места. В глазах его сверкнула молния. Это Филя еще увидел. А вот кулак не заметил. И пропустил нокаутирующий удар в челюсть...

Все, что происходило дальше, он помнил смутно. Перед глазами все плыло, в голове гудело. Словно в тумане мелькали лица. Затем близко-близко надвинулась морда распорядителя. Гад Гадыча.

– Городков, тебя за ногу! Ты уволен!..

Будто колокола в голове у него, а этот урод в них ударил. Звон в ушах, боль в черепной коробке. Ну и скотина!.. Все скоты!!!

Оклемался Филя за стойкой бара. В ресторане, где он уже находился на правах посетителя. Бармен Коля прикалывался над ним, но Филя пропускал его обидные реплики мимо ушей. И водочку пропускал. В себя, стопку за стопкой...

А потом снова появился Гад Гадыч. Навис над Филей.

– Ты еще здесь? – заревел он. – Пшел вон, урод!..

Филя поднялся. Его сильно шатнуло в сторону. Но это не помешало ему изобразить на лице праведное возмущение.

– Не имеете права! – гордо вскинул он голову.

И едва не потерял равновесие.

– Я тебе покажу права! – рявкнул Гад Гадыч.

Не успел Филя опомниться, как этот козел получил подкрепление в лице бармена Коли. Вдвоем они взашей вытолкали его из ресторана. И еще пинка под зад на прощание дали.

Вот ублюдки!..

Филя и сам не понял, как оказался на дороге. Зато увидел, как на него надвигается крутомордый джип...

* * *

– Вот баран! – гроыхнул в сердцах водитель.

Никита бросил взгляд на дорогу. И увидел парня в строгом костюме с бабочкой, куцая кожаная куртка поверх. Он стоял в позе заспиртованной лягушки. И в ужасе ждал, когда окажется под колесами их джипа.

Но Саша не первый день за рулем. Он успел затормозить перед самым носом идиота с выпученными глазами.

– Ой, это же Филипп! – послышался голос Тамары.

Никита видел, как она покраснела. Не удивительно. Со стыда можно сгореть, если твой сердечный друг такой придурок.

Тамара выскочила из машины. Схватила своего парня за руку и потащила к тротуару. Но тот ни в какую. Уперся как осел. И страх в глазах сменился бешенством.

– А-а, коза! – заорал он на Тамару. – Вот, значит, как мы работаем, с хорями раскатываем, да?..

Никита не мог не слышать этого. Потому как полудурок Филя орал во всю ивановскую.
– Филипп, ну как ты можешь? – увещевала его Тамара. – Пошли домой...

– А как же эти? – ткнул пальцем в машину кретин. – Кого же они драть будут?..

Ну, это уже слишком. Может, этот недоделок и пьян. Но это не значит, что он может оскорблять Тамару. Любовь, конечно, зла. Но козлов надо учить...

На какой-то момент он даже о Марте забыл.

Никита вышел из машины. Подошел к Филе. Раскрытой ладонью, несильно хлестнул недоумка по щеке. Его это отрезвило.

– Сдерни отсюда, насекомое!

Парень испуганно закивал и бочком-бочком сошел с дороги на тротуар. Тамара подалась за ним.

– Никита Германович, вы уж извините, – оправдывалась она. Будто сама в чем-то виновата. – Он вообще хороший. Просто пьян... Он больше не будет. Правда, Филипп?

Полудурок что-то промычал в ответ и вместе с Тамарой смешался с толпой прохожих.

А Никита сел в машину. Поехал дальше.

* * *

Марта лежала в реанимационной палате. Одна нога в гипсе. Лицо в ссадинах, порезах. Одни ранки пластырем заклеены, на других мазь. Не очень приятная картина. Но ведь это не чужая женщина. Это Марта, его родная Марта.

– Бедная ты моя...

Никита опустился перед ней на колени, взял за руку. Это была чья-то чужая рука. Вся в мелких царапинах, ссадинах, синяках. Но ничего, Марта поправится. И станет такой же, как прежде.

– Состояние тяжелое, – вещал врач. – Перелом ноги, множественные ушибы, порезы... Да вы сами все видите...

– Вижу... А это опасно?

– Жизнь вашей супруги вне опасности... Да, кстати, если вдруг останутся шрамы на лице – это не беда. Их можно удалить. Есть специальные косметологические операции. Они, конечно, очень дорогие. Но насколько я понимаю, вы не испытываете дефицита финансовых средств...

Намек Никита понял. И полез за бумажником. Вытащил из него все деньги, которые были. И протянул их врачу.

– Моей жене должна быть предоставлена лучшая палата...

– Конечно, конечно, – закивал врач.

Деньги исчезли в его руках с такой быстротой и ловкостью, словно этот эскулап был по совместительству профессиональным фокусником.

Марте уже оказали врачебную помощь в полном объеме. Кости вправили, гипс наложили, раны обработали. Сейчас она спала – снотворным ее накачали.

– Да, и еще, – сказал врач. – При ударе у нее были повреждены голосовые связки... Но ничего, со временем все нормализуется...

Никита тоже на это очень надеялся.

2

– Валерик, ну ты же знаешь, как я тебя люблю, – сочно чмокнула губами Лелька. – Только гляну на тебя – и уже в экстазе... Ну все, пока, я ненадолго...

Она еще раз послала ему воздушный поцелуй. И пропала. В студию красоты отправилась. Это совсем рядом, на первом этаже их дома. Там отличные специалисты работают. Прическу стильную там слепить, макияж навести.

Только не совсем понятно, зачем ей это надо. Сегодня понедельник – день для них с Лелькой выходной. Концерта сегодня нет. Могла бы дать отдых лицу и волосам. Тем более Валере все равно, в каком она виде – с макияжем или без, в пьяном или трезвом, до или после секса. А секс они любят оба.

Лелька – восходящая звезда. Или просто звездунья. До гастрольных туров они еще не доросли – масштабы не те. Певица Лелька только на взлете. Но зато у них уже есть ангажемент в одном дорогом ночном клубе. А это живые деньги.

У нее пока одна хитовая песня. «Ночь любви». Быстрая заводная музыка, звуковые эффекты до мурашек по коже. И голос у Лельки вроде бы ничего. Песня в ее исполнении звучит. Очень даже звучит. Только особого фурора в народе она не произвела. Вроде бы ничем не хуже, чем те же «Ромашки» у Земфиры, «Солнышко» у «Демо», «Зима» у Алсу. Но взрыва нет. Почему?.. Очень бы хотелось знать. Но нет пока ответа...

И все же какое-никакое, а место под музыкальным солнцем Лелька себе нашла. Народ ее еще не полюбил, но уже в курсе, кто она такая. На улице узнают. Приглашают на всякого рода гала-концерты. Ангажемент в ночном клубе опять же. В общем, перспективка есть.

Скоро в репертуаре у Лельки появится еще пара хитовых песен. Еще что-нибудь можно будет наскрести. Альбом записать, в продажу пустить. Какую-никакую денгу на нем зашибить. А там гастрольная деятельность, концерты в Москве, по крупным городам страны – и это прибыль.

Денег на раскрутку Лельке хватает. Никита, их общий друг, не скупится. Щедро финансирует их деятельность. Но нельзя же бесконечно эксплуатировать его дружеское расположение. Валера из кожи вон лезет, чтобы вывести творчество Лели хотя бы на уровень самоокупаемости. И очень надеется, что это когда-нибудь получится.

Когда-нибудь... Хотелось бы знать, когда именно...

Валера сел на край кровати, сунул ноги в шлепанцы. И потопал на кухню.

Квартира у них своя. Трехкомнатная, в доме повышенной комфортности. На Валеру оформлена. Подарок от Никиты. И мебель не абы какая – итальянская, из цельного дерева, кожаные диваны, кресла.

Никита заботится о них и об их будущем. Чертовски богатый парень. Но у него ничего общего с некоторыми зажавшимися «новорусами». Не мнит себя пупом земли, спесью не исходит. Старых друзей помнит, в обиду не дает.

Валера и Лелька – скорее новые друзья, чем старые. Не так давно судьба их свела. Но это было время жестоких испытаний. Вместе они прошли и огонь, и воду. Сейчас вот звучат медные трубы. Никита снова долларовый миллионер, Лелька – восходящая звезда эстрады, Валера – ее продюсер. Никита не зазнается. И они с Лелькой должны избежать звездной болезни.

Валера продолжал оставаться таким же простым парнем, каким был раньше. А вот в Лельку уже проник червь тщеславия. Все чаще из ее уст звучат упреки. Ну почему Валера не может поднять ее в высшие сферы звездных высот?..

Квартиру Никита покупал для них обоих. Почему-то решил, что из них выйдет прекрасная пара, которой одна дорога – под венец. Подарочек им заранее приготовил – эту квартиру, обстановку, машину. Пара они неплохая – это да. Валера симпатичный, статный – дорогой строгий костюм идет ему так, будто он в нем родился. И Лелька выглядит очень эффектно. Мужики слюной истекают, глядя ей вслед. Только под венец они не собираются.

Лелька – хорошая девчонка. Добрая, веселая, в меру взбалмошная. Но есть в ней что-то ненадежное. Хотя вроде бы и не изменяет она Валере. Вроде бы...

В холодильнике Валера нашел пачку пельменей. Это Лелька ничего по утрам не ест. Чашка крепкого кофе и сигарета – вот и все. А Валеру мама с детства приучила плотно завтракать. И в армии три раза в день кормили.

Валера после тоже кофейком побаловался. Через полчаса после еды выкурил первую сигарету. Раньше чем через тридцать минут после приема пищи курить нельзя – пища вроде как не усваивается. Правда это или нет, но этого правила он придерживался строго. Если, конечно, все спокойно. Это в экстремальных ситуациях он чадил как паровоз. А сейчас у него жизнь спокойная. Музыкальные и околomuзыкальные страсти не в счет – это суета сует, не опасная для жизни.

А иногда Валере хотелось чего-нибудь остренького. Хотя бы морду кому-нибудь просто набить. Нет, не со зла. Просто прадед его был знаменитым кулачным бойцом. Озорства ради крушил челюсти направо и налево. Видно, наследственность сказывается.

Валера даже превзошел своего пращура. Он не только кулаками махать горазд. Ему ведь не только в кулачных боях кровь лить приходилось. В Чечне навоевался досыта, потом в паре с Никитой на болотах вдоволь настрелялся. Только стрелять неохота – не садист он, не тянет его убивать. А вот морду козлу какому-нибудь в соответствие привести – это бы сейчас не помешало...

Шло время. А Лелька все не появлялась. Валера завалился на диван, уткнулся в телевизор, даже задремал. Время близилось к обеду. А подруги все нет и нет...

Он разволновался не на шутку. И уже собирался идти ее искать. Но Лелька сама явилась. И не одна. Какой-то парень с ней. Среднего роста, в меру упитанный. Пакостные глазки, полные губы, глубокие залысины, едва обозначенная бородка. Не очень приятное впечатление. Но девчонкам такие типчики нравятся. А может, нет. Но как бы то ни было, Валера заревновал. Уж не с этим ли типчиком Лелька пропадала с утра до обеда?

– Валер, знакомься, это Юрас! – с порога затрезвонила Лелька.

Парень будто не заметил неприязни в его глазах. Улыбнулся – вроде бы покровительственно. И протянул ему руку. Валере ничего не оставалось делать – пришлось пожать.

Юрас разулся, с деловым видом протопал в гостиную, по-хозяйски плюхнулся в кожаное кресло. Валера проводил его обалделым взглядом. Затем недоуменно глянул на Лельку.

– Ой, Валера, – надула она губки. – Ты только ничего не думай...

– А что я должен думать?

– О-хо-хо! Будто не знаю, о чем ты сейчас думаешь... У меня с ним ничего не было. Потому что и быть не может. А знаешь, почему? Потому что он этот, гей...

– Педик, что ли?

– Ну зачем же так грубо? – поморщила носик Лелька.

– Грубо, зато в рифму. Юрас – пидо-о...

– Тише ты, он может услышать...

– Да мне как-то поровну, – пожал плечами Валера. – Какого ляда ты сюда этого гомика притащила? Хочешь, чтобы я ему вдул?... Так это не по моей части....

– За что, Валерик, я тебя и уважаю... Юрас шоу-мен, своего рода гений... У него к тебе предложение... Пошли, поговорим...

Юрас словно и не заметил их с Лелькой. Он сидел в кресле, нога на ногу. И листал журнал с глянцевого обложкой.

Лелька упала на диван, потянула за собой Валерика. Обняла его, поцеловала в щеку. И уже после того глянула на своего гомика.

– Юрасик, ау!.. – окликнула его.

Тот отложил в сторону журнал. Посмотрел на нее так, как будто впервые увидел. И вроде бы вспомнил.

– Ах да, – эффектно шелкнул он пальцами. – Я должен заняться вами, мисс... С чего начнем?..

Самодовольный напыщенный болван. Строит из себя чего-то... Валера с откровенной неприязнью смотрел на него. Но Юрас этого словно и не замечал. Похоже, его всерьез увлек процесс самолюбования.

– Начнем с внешней стороны медали. Итак, певица Леля!.. Певица... Леля... Певица Леля... Звучит?.. Мне почему-то кажется, что нет... Поехали дальше... Что там на сцене изображает из себя певица Леля?.. Модерн, скоростная попса, а вариант исполнения классический. Стоишь на сцене как неприкаянная, ножкой смешно дрыгаешь – и это все твои телодвижения. А нужен танец. Настоящий танец. Ты сама должна кружиться по сцене как волчок. И вокруг тебя все должны прыгать, потолок головами сносить... Имидж у тебя тоже не в дугу. Стандарт, ширпотреб. Таких певиц, как ты, – вагон и мусорная корзина. А нужно что-нибудь эдакое особенное – чтобы резко отличалась от других...

Валере надоело слушать этот треп. Он зевнул, привлек к себе Лельку. Но та отстранилась. Юрас интересовал ее больше. Дура...

– И что ты предлагаешь? – спросила она.

– Прежде всего надо подобрать под тебя пару-тройку толковых девчонок. Чтобы и вокал тянули, и танцевали как чумовые... Это будет не просто группа, а полный атас. Мы такую волну поднимем...

Юрас бы и дальше умничал. Но Валера его остановил. Он уже понял, откуда дует ветер.

– И у тебя на примете такие девчонки есть, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал он.

– Ну да...

– А кто продюсером этой группы будет?

– Вообще-то, я бы не отказался от столь интересного предложения.

– У тебя бабок вагон? Или только мусорная корзина?..

Юрас растерянно глянул на Лельку.

– Ну, Леля говорила, что с финансированием проблем не будет...

Валера нахмурил брови.

– Это правда?..

Лелька сделала кислое лицо.

– Ну, не то чтобы говорила... Но намекала...

– На Никиту, так? – недовольно покачал головой Валера. – Никита, мол, вам поможет...

А меня куда вы решили засунуть, а?..

– Валера, ну ты, конечно же, останешься при мне... – проямлила Леля.

Она явно чувствовала себя не в своей тарелке. Оно и понятно. Сговорилась с этим педерастом. Валеру побоку, а его себе в продюсеры. На деньги Никиты группу раскручивать.

– А ты, наверное, думаешь, что останешься центральной в этой группе? – усмехнулся

Валера. – А не засунут ли тебя в... гм... на задний план?

– Нет, что ты! – запротестовал Юрас.

– А ты не дурак, скажу я тебе. Группу сколотишь, на деньги Никиты Брата раскрутишь.

И будешь мед ложкой хавать... А задница не слипнется, а?

– О чем ты?..

– Да все о том же... Группу-то как планируешь назвать?

– О! Вариантов валом. «Аленушки интернейшнл», «Крыша съехала», «Я упала с самосвала»...

– Сейчас ты у меня сам упадешь. С лестницы!..

Валера не привык бросать слова на ветер. Он подскочил к Юрасу, схватил его за шкуру. Тот начал брыкаться. И даже двинул его локтем по подбородку.

– Спасибо! – искренне поблагодарил его Валера.

И так же от всей души приложился кулаком к его физиономии. Юрас вылетел в холл. И снова попал в оборот. Валера открыл дверь и вышвырнул несостоявшегося продюсера из квартиры. Спустил, что называется, с лестницы. И захлопнул за ним дверь.

– Вот и все! – хлопками стряхивая с ладоней воображаемую пыль, сказал он.

– Ну и дурак! – надула губки Лелька. – Он же для нас старался...

– Ага, для нас, жди!.. Я этого хитрозадого насквозь вижу. Приберет все к своим рукам. На наши же деньги тебя в бэк-вокал засунет. А меня до уровня вышибалы опустит... Козел!..

– А может, Валерик, ты и прав, – пошла на попятную Лелька.

– Не может, а прав... Пошли, – он взял ее за руку.

– Куда?

– В спальню... У нас же сегодня выходной...

– А-а...

Как ни странно, но в постель она пошла неохотно. А ведь должна была «проголодаться». Последний раз они занимались любовью вчера вечером. А Лелька обожает секс не только на ужин, но и на завтрак, и на обед.

К вечеру этого же дня Леле позвонили.

– Олечка?.. Олечка, приветик... Соскучилась?.. На часик? Ну, если на часик... О'кей!..

– Что за Олечка? – спросил Валера, когда она положила трубку.

– Да это моя старая подруга...

– Я про нее не слышал...

– Потому что я не рассказывала. Я много чего тебе из своего прошлого не рассказывала....

И правильно делала. Прошрое у нее героическое.

– Я ненадолго, дорогой! – Она начала собираться.

– А я тебя что, отпускаю? – насупился Валера.

– Да? Не отпускаешь? А жаль... Но я все же съезжу к Олечке... Хочешь, со мной поехали? Не успел Валера и рта раскрыть, а она:

– Не хочешь, как хочешь... Тогда я сама. Туда и обратно. Часа через два буду.

Вот такая она, Лелька. Своенравная, своевольная. Попробуй останови ее. Весь вечер дуться будет.

– Ладно, езжай, – махнул рукой Валера. – Только одна нога здесь, другая там...

– Ну так понятное дело...

И все же интересно, кто она, эта Олечка. Уж не надуманный ли персонаж?

Вообще-то, Валера доверял Леле. Только есть одно золотое правило – доверяй, но проверяй.

Она за порог, и он уже в сборе. Строгий костюм в сторону. Джинсы и кожаный пиджак – это в самый раз.

Валера думал, что Лелька спустится в подземный гараж, где на приколе стоял их джип «Сузуки». Но она спустилась во двор, обогнула дом. Остановила частного. Села в машину и вперед – куда именно, неизвестно.

У Валеры уже не было времени бежать за машиной. Поэтому он выскочил на дорогу, поймал «бомбилу» на стареньком «Опеле». Сунул ему под нос пятидесятидолларовую купюру. И показал на «восьмерку».

– Куда она, туда и мы...

– Никаких проблем...

Это был как раз тот случай, когда слова не расходятся с делом. Водитель «Опеля» шел по следу «восьмерки» с такой легкостью, будто он только и делал, что гонялся за машинами.

Дмитровское шоссе, старые пятиэтажные «хрущобы». «Восьмерка» остановилась возле одного такого дома. И Валера тоже подъехал. Расплатился с частником и вышел из машины, как

только Лелька скрылась в подъезде. Он за ней – по-кошачьи тихо, мягко. Вычислил квартиру, в которую она зашла. Третий этаж, дверь справа.

Он мог бы просто нажать на кнопку звонка. Дальше прикинуться танком и вломиться в квартиру. Посмотреть, к какой такой Олечке пожаловала Лелька. Но что-то его удерживало.

Он вышел во двор, устроился в беседке в глубине двора. Выкурил одну сигарету, потянулся за второй. Неужели это и есть экстремальная ситуация?.. Так или не так, но волновался Валера здорово. Понимал, неспроста Лелька в этом доме.

Шло время. Двор погрузился в темноту. Лишь фонарь тускло светил, и в окнах ярко горел свет. И в квартире на третьем этаже свет на кухне. Только шторы плотно задвинуты, непонятно, что творится за ними.

А не зайти ли на огонек?

Не так-то просто подняться на третий этаж. Если, конечно, забираться туда по балконам и у тебя слабые руки. Но у Валеры силы в избытке и ловкости не занимать. Он обогнул дом с другой стороны. Вычислил нужный балкон. Допрыгнул до газовой трубы, вцепился в нее руками, подтянулся. В квартире на втором этаже никого. Поэтому никто не поднял шум, когда он забрался на балкон. Затем дотянулся до балкона на третьем этаже.

Он крепко ухватился за железные прутья, подтянулся. Продвинул руки вверх дальше. Добрался до перил. И вот он уже на балконе.

В комнате за окном горит ночник. Но и здесь шторы плотно задвинуты – не заглянуть внутрь. Только есть приятная неожиданность. Дверь на балкон открыта. Кому-то свежего воздуха не хватает.

Через эту дверь Валера вошел в комнату. И оцепенел. Под мягкую музыку в свете красного бра на широкой постели барахтались обнаженные тела. Мужик и две бабы, среди которых Валера узнал Лельку...

А вторая, наверное, Олечка...

Валера было сделал шаг назад. Но в мужике вдруг узнал того самого Юраса.

Группа «Экстаз втроем» в полном составе. Сволочь!..

Его и самого заметили.

– Валерик! – в панике выкрикнула Лелька.

Она сорвалась с постели, начала поднимать с пола свою одежду.

– Я тебе сейчас все объясню... Я тебе сейчас все объясню, – бормотала она.

– Братан, все нормально, – засуетился Юрас.

И даже набрался наглости подмигнуть Валерику.

– Тут ничего такого, мы это...

– А мне говорили, ты педик, – оборвал его Валера.

– Да нет, ты что? Никогда педиком не был...

Вот так так. Развела его Лелька. Как последнего лоха развела. Не зря же она сегодня была такой вялой в постели. Юрас ее с утра употребил. А потом ее снова на него потянуло. Или больше на Олечку. Вот она, Олечка, выставилась перед Валерой во всей своей красе. И нагло смотрит на него. Будто не прочь и ему отдаться. Шлюха!.. Шлюхи!..

– Смешно?.. – зло спросил Валера. – Мне не очень... А посмеяться хочется...

Юрас и опомниться не успел, как Валера схватил его за руку и волосы, вытащил из постели. Через комнату на балкон. А дальше отправил его в свободный полет, с третьего этажа на брэнную землю.

Теперь можно и посмеяться. Ведь смеется тот, кто смеется последним...

Только смеяться Валере не больно-то и хотелось. Юрас лежал на земле и не подавал признаков жизни. А вдруг насмерть разбился?..

Валера влетел в комнату. Подскочил к Леле, взял ее лицо в ладони.

– Сука ты!..

– Я знаю, Валерик, я знаю...

– Да мне уже по фигу, кто ты такая... «Скорую» вызывай. Трахарь трахало свое разбил...

Валера вышел из квартиры через дверь. Спустился во двор, обошел дом, нашел Юраса. Тот уже не лежал, а сидел на голой заднице. И стонал, поглаживая ушибленную руку. Или даже сломанную...

– Не сдох? – спросил Валера. – А жаль!..

На самом деле он, конечно, был рад, что Юрас жив. Не хотелось Валере садиться за убийство. Хотя вроде есть статья за нанесение увечий. Но про эту статью он не думал...

Лелька вернулась домой поздно ночью. Впрочем, Валере было все равно. Пусть хоть совсем пропадает – не нужна ему эта дрянь...

Он лежал на кровати в комнате для гостей. Сюда переселился. Не может же он жить с Лелей в одной комнате. Как женщина для него она больше не существует. Только как певица. Если, конечно, она захочет с ним работать. А не захочет – пусть катится на все четыре стороны. Не пропадет он без нее...

Валере не спалось. Он слышал, как Лелька ходит по квартире, возится на кухне. Потом она надолго заперлась в ванной. Снова загремела на кухне.

И через пару часов появилась в его комнате. В одном пеньюаре, в туфлях на высоких каблуках – выглядела она жуть как сексуально. Только Валеру этим не пронять.

Чуть пошатываясь, она подошла к нему, села на краешек кровати.

– Любимый... – запустила руку ему в волосы.

– Сука!..

– Я знаю, такая уж я...

От нее тянуло перегаром. Конечно, после Юраса на трезвую голову Валера ее не возбуждает. А отдаться ему надо – чтобы хоть как-то сгладить свою вину. Только не нужны ему подачки.

– Шла бы ты отсюда...

– Не уйду, любимый...

– Какой я, на фиг, тебе любимый!.. – вспыхнул Валера.

– Ты думаешь, мне Юрас нужен... Нет, мне ты нужен...

– Ты идиотка! Ты хоть понимаешь, что ты полная идиотка?..

– Идиотка... А еще я нимфоманка, – грустно вздохнула Лелька. – Это не измена. Это диагноз.

– Тогда тем более вали отсюда. Еще меня заразишь, больная...

– А разве это плохо?.. Сейчас даже модно так жить. Ты гуляешь, я гуляю. А живем вместе...

– Ага, ищи дураков!

– Но я тебя люблю!

– Заметно...

– Юрас и Олечка – это всего лишь разнообразие...

– Ну да, еще лекарством их назови. Для снятия сексуального приступа...

– Может быть... Мне никто не нужен, только ты.

Лелька даже всхлипнула. Что это, искреннее переживание или игра?..

– А ты мне не нужна.

– Хочешь, я больше не буду встречаться с Юрасом?..

– Ха, насмешила! Она не будет встречаться с Юрасом. Будто в жертву его мне приносишь... Да пошла ты знаешь куда вместе со своим Юрасом!..

– Я не могу без тебя...

– Ну ты достала!

– А хочешь, я с Юрасом поговорю? Он не будет подавать заявление...

- Какое заявление? – встрепнулся Валера.
 - Ты же его с балкона выбросил. Он руку вывихнул.
 - Ну и что?
 - Ты же изувечил его. А это статья Уголовного кодекса. Тебя могут посадить.
 - Так вы что, шантажировать меня вздумали?
 - Я?! Я нет... А Юрас может...
 - Он тебе что, говорил это?
 - Нет, я сама думаю. Ведь ему надо нас к рукам прибрать...
 - Тебя он уже прибрал. И не только к рукам...
 - Это в прошлом...
 - Все у тебя в прошлом... Сколько шлюху ни имей, все равно на чужую постель смотрит.
 - Я больше не буду!
 - Что не будешь? Смотреть?..
 - Гулять!
 - Ладно, с тобой я еще разберусь...
- Это был первый шаг к примирению. Хотя Валера этого еще не осознавал.
- А с кем сейчас разберешься?
 - С Юрасом... Вот уж сволочь!
 - Сволочь, – Лелька пьяно мотнула головой. – Все мужики сволочи. Только ты хороший...

С этими словами она прильнула к нему. Но Валера оттолкнул ее. Взял ее руками за плечи, хорошенько встряхнул. Зло глянул ей в глаза.

- Пошла отсюда!
- Валера!..
- Я сказал, пошла!

Он схватил ее за руки и силой вытащил из комнаты. Закрыл за ней дверь.

Но Лелька не унималась. Она просидела под его дверью до самого утра. И все это время скребла по ней ногтями. Только Валера не обращал на нее никакого внимания.

Он думал о том, что ему делать с Юрасом... Вот уж паразит так паразит. К Лельке присосался. И к банковскому счету Никиты присосаться не прочь...

* * *

Юраса он нашел дома. Адрес Лелька дала. У подъезда нос к носу столкнулись. Появление Валеры вогнало его в ступор. Бедняга даже икать начал.

– Слушай сюда, мразь! – надвинулся на него Валера. – Хоть одно движение в мою сторону, тебе хана. Заявление в ментовку, наезд – забудь об этом. Иначе труба дело. Не я это тебе говорю. А сам Никита Брат. Но, поверь, башку я тебе откручу вот этими руками...

Конечно, не очень порядочно прикрываться чужим именем. Но ведь этот козел хочет качать деньги из кармана Никиты Брата. Почему бы и не припугнуть его этим именем?..

- Ты меня понял, урод? – спросил Валера.

Юрас испуганно кивнул.

- И про заявление в ментовку забудь. Иначе сам на нарах окажешься. Сечешь?..
- Да я и не думал, – пролепетал Юрас.
- Тогда считай, что тебе повезло...

Валера повернулся к нему спиной, будто собирался уходить, но сделал только шаг и остановился. Резко развернулся к нему.

- И про Лельку забудь! Она не для твоего свиного рыла!

Зачем он это сказал? Зачем, если ему Лелька больше не нужна?.. Не хочет он жить с изменницей... А может, все-таки Лелька по-прежнему, хоть и немного, дорога ему?..

Глава 2

1

Не жизнь, а лафа. Утром просыпаешься когда хочешь. Завтрак уже на столе. На работу идти не надо. Пусть Тамара вкалывает за себя и за него, на благо их с Филей гражданской семьи.

Квартирка у нее высший класс. Отделка, мебель – все в ажуре. Лежи себе целый день на диване да смотри телевизор. И пиво не возбраняется. Зарплата у нее ой-ей-ей какая. Со спиртным и хавчиком никаких проблем.

А главное, она любит Филю. И не отвернулась от него после того случая, когда он нахамил ей и ее боссу. Дурак он тогда был. Потому что нажрался. А пьяные все дураки – и он не исключение. Тамара его простила.

Любит она его. А любовь, как известно, требует жертв. Вот пусть и содержит Филю. Пусть работает, чай, не надорвется. А он будет баклуши бить целыми днями. Зато изменять ей не будет. Леня ему за бабами-то волочиться. Да и сама Тамара девочка-цветочек. Одно удовольствие с ней в постели барахтаться...

Филя задремал перед телевизором. Еще бы немного, и банка с недопитым пивом вывалилась бы из его руки. Но зазвонил телефон. Филя открыл глаза, поднес банку ко рту, сделал большой глоток. И только после этого потянулся к телефонной трубке.

– Это ты, урод? – услышал он жесткий и, как показалось ему, знакомый голос.

– Э-э, что за дела!..

– Заткни свою пасть, мурло! И слушай сюда! Если ты не отстанешь от Тамары, тебе крышка. Ты ей не пара, понял?

– Не понял...

– Плохо, что не понял... Я ее люблю. И не хочу, чтобы она жила с таким козлом, как ты... Вопросы?

Внутри у Филя все заледенело. Он вспомнил этот голос. С ним говорил не кто иной, как босс Тамары, тот самый Никита Брат. Значит, он не просто ее начальник. Он еще и ее любовник.

Никогда не забыть Филю, какую оплеуху отвесил ему этот крутой мэн. А он на самом деле крутой. Стоит ему захотеть, и Филю с дерьмом смешают.

И все же Филя набрался смелости, дерзнул дернуться на Никиту.

– Да пошел ты!..

– Ну-ну... Смотри, я тебя предупредил...

В трубке послышались короткие гудки.

Филя лежал на диване, его колотил нервный озноб. Все плохо, все очень плохо. Он послал на три буквы самого Никиту Брата. Теперь ему несдобровать...

* * *

Тамара собиралась домой. Рабочий день закончился. Никита только что ушел. Вернее, уехал. В больницу к жене.

Бедная Марта, Тамара искренне жалела ее. И Никиту жаль. Видит она, как он мается.

Он хороший. Добрый, отзывчивый и в любовники ей не набивается. А она умеет помнить добро. И если вдруг какая беда, она ни за что на свете не предаст своего шефа.

Тамара уже собиралась выйти из приемной, когда запиликал телефон. Она подошла к аппарату, глянула на дисплей, но номер абонента не высветился. Впрочем, это не важно.

– Слушаю...

– Тамара, это я...

Голос Никиты. Странно. И дышит он часто, тяжело.

– Никита Германович? Что-то случилось?..

– Беда, Тамара, беда. Убить меня пытались...

– Кто?..

– Сапунов, его люди... Одной тебе я верю. На тебя вся надежда...

– Да, да, я слушаю...

– У меня в кабинете, в нижнем ящике стола – пистолет. Бери его и вези ко мне. Без оружия мне крышка...

– Куда везти?

– Я сейчас в районе Измайловского парка. На своем джипе. Буду ждать. Если через час тебя не будет, я уеду...

Он назвал точное место встречи. И добавил:

– Тамара, я очень на тебя рассчитываю...

– Конечно, о чем разговор? Я сделаю все, что в моих силах...

Она должна привезти Никите пистолет. И не знала, чем, кроме этого, может ему помочь. Зато прекрасно знала, что готова отдать за него жизнь...

Тамара открыла кабинет, подбежала к столу. И точно, в нижнем ящике в картонной коробке лежал пистолет. И запасная обойма рядом. Все это она забрала прямо с коробкой, сунула к себе в сумку.

Никиту пытались убить. Сапунов и его люди. Это предательство. Возможно, весь отель – враги Никиты. Возможно, только она его настоящий друг, только она может ему помочь.

Она прошла по коридору административного сектора, на лифте спустилась в рабочий вестибюль. При этом старалась скрыть свое волнение. Будто ничего не случилось.

Минут через десять она подъезжала к Измайловскому парку, к назначенному месту. Там уже стоял черный «Крузер». Она посмотрела на номера. Да, это машина, на которой обычно ездит Никита.

Он в джипе, за рулем. Махнул ей рукой, чтобы она заняла переднее пассажирское место. Тамара так и поступила. Залезла в машину. И посмотрела на Никиту. Испуганно вскрикнула.

Это был не Никита. Это был какой-то другой человек. Сходство между ними лишь отдаленное.

Тамара хотела выскочить из машины, но сзади появился какой-то человек. В ухо ей ткнулся ствол пистолета.

– Сиди, киска, не дергайся...

– Сейчас мы тебя к Никите твоему повезем, – осклабился мужчина за рулем. – Пистолет привезла?

– Нет, – моментально сориентировалась Тамара. – Не нашла...

Мужчина помрачнел. Видно, ему очень нужен был пистолет.

– А мы сейчас посмотрим, – человек сзади сорвал сумку с ее плеча.

Тамара не успела ему помешать.

– Есть ствол... Ха! Даже в коробке...

– Ствол руками трогала? – спросил лже-Никита.

– Трогала! – еще не зная, зачем ему это нужно знать, кивнула Тамара.

– Значит, не трогала... – усмехнулся мужчина.

Он зачем-то достал из кармана чистый носовой платок. Положил его на ладонь. На эту же ладонь лег пистолет Никиты.

– Что вы собираетесь делать? – взвизгнула Тамара.

Кажется, она все поняла. Направленный на нее ствол подтвердил ее догадку. Но ничего поделать она уже не могла.

В голове что-то взорвалось. Громко, ослепительно. Страшная боль и спираль, закручивающаяся в вечность.

* * *

Марта никакая. Слабая, еле говорит. Лицо в царапинах. Губы потрескавшиеся, местами кровоточат. Но все же хоть и кое-как, но дела идут на поправку.

У нее отдельная палата. Сестра-сиделка при ней постоянно. Никита три раза в день у нее бывает.

Через пару деньков он домой ее заберет. Комнату под палату оборудует. Все условия создаст. Личный врач подле нее будет дежурить. Пусть и больная, но Марта должна быть дома.

Болезнь у нее не заразная – как у Кати, жены покойного Павла. Ей не обязательно в стационаре лежать.

Марта будто виновато смотрела на него. Взгляд тусклый. Веки слипаются. В глазах нет живого огонька. Словно не Марты глаза...

– Извини, я так плохо себя чувствую, – прошептала она.

– Все будет хорошо. Доктор сказал, что дело на поправку пойдет. Как только от потрясения оправившись...

– Голова что-то кружится, глаза закрываются...

– Спать хочешь?

– Очень... Ты не думай, я не соня. Это слабость. Плохо мне...

Она закрыла глаза.

Плохо ей. Но ничего, скоро все будет хорошо. Марта поправится. Станет такой же, как прежде.

Никита приехал домой в десятом часу. Няня уже укладывала детей спать. Да и ему на боковую пора. Завтра рано вставать. В больницу ехать надо. Для него это сейчас как зарядка. Не физическая, а духовная. Не может он без Марты...

Он уже собирался укладываться, когда мягкой мелодичной трелью дал знать о себе сотовый телефон. Никита взял трубку. Услышал голос Сапунова, начальника службы безопасности.

– Никита, у нас ЧП, – сообщил он. – Надо встретиться...

– Надо так надо. Прямо сейчас?

– Чем раньше, тем лучше.

– Тогда жду...

Сапунова он знает давно. Отношения между ними не то чтобы дружеские. Но друг к другу они обращаются по имени и на «ты».

Сапунов и его служба безопасности – это мощная сила. Без нее Никита как без рук.

Они встретились в его домашнем кабинете. Никита сел за стол, Сапунов удобно устроился в кожаном кресле.

– Тамара погибла, – с трагическим видом сообщил он. – Твоя секретарша...

– Ты серьезно?

Никита не хотел в это верить.

– Разве такими вещами шутят?.. Звонили из милиции...

– Когда и кто?.. – с трудом выдавил Никита.

От внутреннего напряжения у него свело скулы.

Для Никиты Тамара была не просто секретарша. Она боевая подруга. Он очень дорожил ею. И сейчас у него появилось такое чувство, будто он потерял близкого человека.

– Ее убили сегодня вечером, в районе Измайловского парка. Выстрелом из пистолета... Кто и как – это выяснит следствие...

– Но должны же быть свидетели? Кто-нибудь да видел, как ее убили...

– Свидетелей преступления пока нет... Но, пожалуй, ты прав, кто-то должен был все видеть. Измайловский парк – не край света...

– Мотив убийства?

– Вопрос по существу... Я уже наводил справки. Версия убийства с целью ограбления отмечается начисто. При ней остались драгоценности, деньги, документы, ключи от машины... Машина рядом. Но ее убили в другой машине. Застрелили и на улицу выбросили... Такая вот петрушка...

– Что скажешь?

– Пока ничего... Но по спине уже мурашки бегут... Не нравится мне все это. Неспроста Тамару убили. Кто-то пытался к нам через нее подобраться...

– Но не смог...

– Поэтому ее и убрали...

– Не захотела она работать на чужого дядю...

– За что и поплатилась...

– Я должен знать, кто этот чужой дядя.

– Узнаем, обязательно узнаем. Всю столицу на уши поставим, но до гада доберемся.

– Это война... – вздохнул Никита.

Только что из одной передраги выбрался. Неужто снова кто-то точит на него ножи?

– Если так, то не сомневайся, удар сдержим и ответ дадим.

– Но лучше упредить противника.

– Хотелось бы... – кивнул Сапунов. – Только бы добраться до этих ублюдков... Ничего, я до них доберусь. Костями лягу, но доберусь.

– А вот костями ложиться не надо. Ты мне живым нужен. Мне все живыми нужны... Жаль, Тамару не вернешь... Все вопросы обсудим завтра. Утро вечера мудреней. А пока распорядись усилить охрану отеля. И держи ушки на макушке...

Утром Никита был у Марты в больнице. Еще вчера вечером он приезжал к ней без охраны. А сегодня при нем четыре телохранителя. Двое в его машине. Двое в другой. Положение обязывает. Неведомый противник объявил им войну. Нужно быть готовым к любой неожиданности.

У Марты был сонный вид. Только-только проснулась. И снова тянет спать. Врач сказал – это последствия нервного потрясения.

Из больницы Никита отправился в отель. Там его ждал серьезный разговор с Сапуновым. Нужно было определиться, что им предпринять в связи с гибелью Тамары. Ведь смерть ее не случайна – никаких сомнений в этом нет. Скорее всего это начало войны с неведомым пока противником...

2

– Значит, вы утверждаете, что этот голос принадлежал Никите Брату? – спросил невысокий кряжистый мужик с лицом землистого цвета.

Оперуполномоченный уголовного розыска. Фамилию Филя пропустил мимо ушей.

Он уже знал, что Тамара скончалась от огнестрельного ранения. Трагическую новость сообщил ему этот самый опер вчера поздно вечером. А сегодня он прибыл к нему домой снова. С допросом.

– Ну, не то чтобы утверждаю, – пожал плечами Филя. – Но вроде бы угрожал мне по телефону он. По крайней мере, я узнал его голос.

– Это точно? Вы не могли ошибиться?

– Да нет... Не мог...

– Вы предполагаете, что между ним и вашей подругой был роман?

– А что, запросто!

– И он мог убить ее из ревности?.. Из ревности к вам...

– Разве я вам такое говорил? – возмутился Филя.

– Не говорили... Но вы могли такое предположить. Хотя бы чисто теоретически...

– Не знаю... Вы милиция, вы преступника ищете, вы и предполагаете... А я ничего не знаю. Не знаю и знать не хочу. Моя хата с краю...

– Тогда последний вопрос... Зачем вы убили свою сожительницу?..

Опер спросил – как молотком по голове трахнул. У Филя белые мухи перед глазами замельтешили.

Но все же до него дошло, что его просто берут на пушку.

– Не надо... Не надо со мной так шутить, – идиотски улыбаясь, попросил он. – А то ведь и зайкой могу стать...

– А разве я шучу? – будто удивился мент.

– Так вы сами подумайте, с какой это дури я буду убивать Тамару? Это ее квартира, на нее оформлена. И машина ей принадлежит. А я ей ведь даже не муж. Она курица, которая несла для меня золотые яйца. Зарплата две «штуки» баксов в месяц – это ж ваще. Я ж при ней как сыр в масле катался...

Смертная тоска навалилась на Филю. Как ему теперь быть, несчастному, без Тамары? Где ему жить, кто его будет кормить, одевать?.. Ему стало до смерти жаль себя, он чуть не расплакался.

– Значит, не убивали?

– Нет...

– А Никита Брат мог убить?

– Не знаю. Может, и мог...

Менту до лампочки все Филины переживания. На лице у него улыбка человека, нашедшего клад. С этой улыбкой он направился к телефону.

* * *

– Никита Германович, к вам из милиции, – послышался голос охранника из приемной.

Тамары больше нет. На ее месте сидит «шкаф» по имени Федя.

– Пусть проходят, – разрешил Никита.

Но его никто и не спрашивал. В кабинет уже входили люди в форме и в штатском. Лица напряженные, сосредоточенные. За спинами у них замаячили крепкие парни в камуфляже и бронежилетах. Спецназ. Лихо закручено.

Вообще-то, Никита ждал, что к нему пожалуют товарищи из органов. Все-таки он хорошо знал покойную Тамару. Кто-то обязательно должен был побеседовать с ним – без этого не обойтись.

Но эти люди пришли не беседовать. Их было много, и у всех на лицах такое выражение, словно им предстоит штурмовать неприступную крепость.

– Господин Брат? – официально спросил его мужчина в форме милицейского полковника.

– Да... А в чем, собственно, дело?..

– Вы арестованы!

Никита ошалело уставился на него.

– По какому праву?..

- Вот ордер на ваше задержание...
- Полковник вынул из папки какую-то бумагу. Положил ему на стол. Никита вчитался в текст. Санкция прокурора. Гербовый бланк, роспись, печать...
- Вы меня в чем-то обвиняете? – спросил полковника Никита.
- Обвинение вынесет прокурор.
- В чем меня обвиняют?
- В убийстве гражданки Зайцевой Тамары Павловны.
- Что-что? – Никита не мог поверить своим ушам.
- Его обвиняют в убийстве Тамары. Бред сумасшедшего.
- С какой это стати? У вас что, есть основания меня в чем-то подозревать?..
- Есть.
- Какие?
- Вы звонили другу Зайцевой, угрожали ему.
- Я? Угрожал?.. Вздор какой-то...
- Может, и вздор. Но пока у нас есть основания считать, что вы могли убить гражданку Зайцеву из ревности.
- Бред сивой кобылы, – Никита нервно забарабанил пальцами по крышке стола.
- Попытался сосредоточиться.
- Между нами ничего не было... Но если бы даже и было – это мое личное дело. И это вовсе не значит, что я мог убить ее из ревности. Чушь собачья. И вы, полковник, прекрасно это знаете...
- Ничего я не знаю, – жестко усмехнулся полковник. – Я знаю одно. Сегодня утром неподалеку от места преступления обнаружен пистолет системы Макарова. Баллистической экспертизой установлено, что из него и была застрелена гражданка Зайцева...
- А при чем здесь я?
- На пистолете были обнаружены отпечатки пальцев. Мы сравнили с данными, занесенными в нашу картотеку. И знаете, чьи пальчики выдал компьютер?..
- Никита медленно опустил руку к нижнему ящику стола. Открыл его. Глянул. И почувствовал, как немеет тело. Пистолета на месте не было. Он исчез вместе с коробкой.
- Говорила же Марта, не держи в кабинете пистолет. Неважно, что проведенный через разрешительную систему. Этот пистолет может выстрелить в него...
- На пистолете обнаружены ваши пальчики, гражданин Брат, – добил его полковник.
- Кто-то выкрал пистолет из его кабинета. Кто?.. Может, сама Тамара его взяла. Только она имела сюда доступ. Но ведь про этот пистолет она и не знала. Никто не знал о нем. Лишь Марта...
- Но у меня есть алиби, – попытался найти себе оправдание Никита.
- Да?.. Интересно?..
- Я был у жены в больнице...
- Мы уже узнавали. Туда вы приехали уже после того, как случилось убийство... С кем вы ехали в больницу?
- Один... Я очень спешил. Не взял охрану...
- Но даже если бы при нем были телохранители, их показаниям – грош цена. Они умереть за него готовы, а уж дать ложные свидетельства – тем более.
- Вы могли застрелить свою секретаршу по пути в больницу. Убить и ехать дальше...
- Но я ее не убивал!
- А вот в этом разберется следствие! – отрезал полковник. – Прощу следовать за мной, гражданин Брат. Я очень надеюсь на ваше благоразумие. В противном случае это будет косвенным подтверждением вашей вины...

Да, полковник прав. Никите достаточно слово сказать, и бойцы его службы безопасности смешают ментов с дерьмом. Но вряд ли Никита этим чего-нибудь добьется. Только усугубит свое положение. Лучше в изоляторе пару-тройку дней провести. А за это время его адвокаты сделают все возможное, чтобы доказать его невиновность.

3

Никиту доставили на Петровку, 38. «Откатали» отпечатки пальцев, изъяли документы, деньги, запрещенные вещи. И поместили в камеру изолятора временного содержания. Хорошая камера, отдельная. Чисто здесь, свежей краской пахнет. Койка, матрас, белье, стол, стул, «толкан» – все как положено. Ничего страшного, если он побудет здесь денек-другой.

Сапунов уже действует. Армию адвокатов собирает, влиятельных покровителей в известность ставит. Не сегодня-завтра кампания по освобождению Никиты развернется полным фронтом. И его освободят. Обязательно освободят. Он должен в это верить...

Никита оставался в полном одиночестве до самой ночи. Никто его не тревожил. Адвокатов не наблюдалось – или их не пускали, или они сами к нему не рвались. И к следователю его не вызывали. Ни для дачи показаний, ни для предъявления обвинения.

Уверенный, что с ним все будет хорошо, Никита разделся, залез под одеяло. И постарался уснуть.

Сегодня трогать его не будут – это точно. Ночь на дворе. А по ночам – согласно Уголовно-процессуальному кодексу – допросы запрещены...

Но Никита ошибся. Он уже засыпал, когда со скрипом отворилась дверь в камеру. Послышался густой бас постового:

– На выход...

Никита легко соскочил со шконки, начал быстро одеваться. Он решил, что его собираются выпустить на волю. Сапунов и адвокаты сделали свое дело. Сейчас ему принесут извинения и выведут из изолятора. А на улице уже машина стоит, чтобы увезти его домой.

Никита оделся, стал собирать свои вещи.

– Эй, не торопись, – небрежно одернул его коридорный. – Ты еще сюда вернешься...

Никита оторопело посмотрел на него.

– А разве меня не выпускают?

– Еще чего... На допрос...

– Какой допрос в час ночи? – Никита возмущенно вскинул брови.

– А это не ко мне вопросы... Давай, пошевеливайся!

Лязганье замков, запоров, мрачные коридоры, скрип дверей-решеток, конвоиры. На конечном этапе пути – мрачный, плохо освещенный кабинет. И два крепких мужика в джинсах и потертых кожанках. Хмурые озабоченные лица, злобные, уставшие взгляды. Один среднего роста, коренастый, с квадратным лицом и массивной нижней челюстью. Второй высокий, жилистый, хищный колючий взгляд глубоко посаженных глаз. Непонятно, кто эти люди – или следователи, или опера. Но в любом случае – менты. Тут и гадать нечего.

– Захады, дарагой! – непонятно почему с кавказским акцентом сказал первый.

Второй бесцеремонно подошел к Никите, грубо схватил его за шиворот и подтащил к табурету, намертво вкрученному в пол. Рядом батарея центрального отопления. Щелкнули наручники – одной рукой Никиту приковали к трубе.

– Это беспредел, – исподлобья посмотрел на ментов Никита.

– А мы менты-беспредельщики, – хохотнул один из них. – Не слышал о таких?..

– Вы за это ответите...

– Заткни пасть, мурло!.. Или тебе заткнуть?

– Вы, наверное, не знаете, с кем имеете дело?

– Как это не знаем? – вроде бы искренне возмущился коренастый. – Знаем. Убийца ты. Самый натуральный убийца...

– Это еще надо доказать.

– Зачем доказывать? Ты нам во всем признаешься.

– Вы, наверное, меня не за того принимаете.

– Да?.. А кто ты такой?

– Я владелец отеля «Эсперанто», я член совета директоров крупнейшей нефтяной компании...

– Член? А ты знаешь, что член членом вышибают?.. – засмеялся один.

Менты вели себя как последние хамы.словно перед ними не крупный бизнесмен, а забулдыга с помойки. Откровенно издевались над ним.

Что это, непонимание ситуации или какая-то игра?

– Олигархи хреновы... Вот из-за таких козлов, как ты, и рушится страна! – сделал очередной выпад в его сторону коренастый.

Смешно ему, весело.

– Привыкли делать все, что хотят, – ухмыляясь, развивал тему высокий. – Пупами земли себя возомнили. Что хотят, то творят. Захотел девку убить – никаких проблем. В голову из пистолета зарядил и ногой из машины выпихнул. И все дела. А закон?.. Закон как тряпка, только на то, чтобы ноги вытирать, и годится... А вот ошибся ты, мурло. Не ты над законом стоишь, а закон над тобой...

– Я не вижу здесь закона. Я вижу одно беззаконие. Ваше поведение оскорбительно... Где прокурор?

– И следователь тебе будет, и прокурор... Но сначала ты чистосердечно во всем признаешься, изложишь все на бумаге. Возможно, мы даже оформим тебе явку с повинной. И тогда будет полный порядок...

– Чистосердечное признание? Вы ждете от меня такого признания?.. Вы, наверное, издеваетесь?

– Мы? Издеваемся? – хищно усмехнулся высокий. – Да нет, мы пока просто беседуем....

– Ну так что, признаваться будем? – спросил коренастый.

– Не в чем мне признаваться.

– Да?.. А если хорошо подумать?..

– Пусть подумает, – кивнул высокий.

И подмигнул своему напарнику.

Никита ничего не смог с ними поделаться, когда они свалили его с табурета на пол. Отцепили руку от батареи, схватили за ноги и резко занесли их за голову. И закрепили их за шеей наручниками.

– Посиди, подумай... – сказал коренастый.

Хорошо сказал – посиди. А как сесть, когда ноги за головой – будто Никита йог какой-то. Положеньице не позавидуешь.

Никита занимался кикбоксингом, легко садился на продольный и поперечный шпагат – мышцы у него растянуты. Но в данном случае этого мало. Боль разрывала тело на части.

– Ну что, признаваться будем?

– Скоты!..

Никита понял, угрозами и обещаниями кар небесных этих типов не пронять, они от него уже не отступятся. Эти менты получили приказ сломать его. И они будут из кожи вон лезть, чтобы выбить из него признание. Вернее, он из кожи лезть будет. Ведь неизвестно, какие еще пытки ждут его.

– Ну так что, будем молчать? – продолжал изгаляться над ним коренастый.

– Да пошел ты!..

Сейчас он не миллионер, не бизнесмен. Попытки и унижения сорвали с него респектабельную оболочку. Он снова стал тем, кем был каких-то семь лет назад...

В девяносто третьем году он вернулся из армии. И по стечению обстоятельств попал в криминальную группировку. Рядовым бойцом. Только за первый месяц он два раза побывал в ментовке. Тогда его пытали точно так же, кололи на признание. Но он все выдержал. Потому что он прежде всего мужчина, боец и телом и духом.

И сейчас он все выдержит. Не смогут сломать его менты. Не по зубам им Никита Брат.

– Значит, не хочешь признаваться. Ну ладно...

Наручники с ног сняли. Тело вернули в нормальное положение. И тут же руку скрепили наручниками с левой ногой. С правой сняли туфлю, носок. И началось...

– Что вы делаете, гады?..

Очень болезненный удар по пятке перевел последнее слово в протяжный стон.

А удары сыпались один за одним. Дубинкой по пяткам. Древнейшее средство пыток. И в застенках гестапо его применяли. Теперь вот менты на вооружение взяли. Фашисты проклятые!..

Боль превысила порог терпения. Никита не сдался. И будто в награду за это он потерял сознание.

Очнувшись все в том же кабинете. Сидя на табуретке. Руки прикованы к батарее. И обе ноги тоже скованы наручниками. Голая распухшая ступня на полу. Мышцы жутко болят, суставы ломит. И глаза мозолят ухмыляющиеся физиономии ментов.

– А ты крепкий орешек, Никита Брат, – вроде как с осуждением покачал головой коренастый.

– Но ничего, и не таких ломали, – пробасил высокий. – В «слоника» поиграем?

На этот раз они надели ему на голову противогаз. И пережали шланг.

Никита начал задыхаться. От внутреннего напряжения, казалось, лопнет голова...

Семь лет назад его пытали точно так же. Два капитана. Светлов и Вершинин. Борцы с организованной преступностью. И пакет на голову ему надевали, и противогаз. Но Никита все выдержал. Не сдал своих дружков. За что и поплатился. Менты подставили его под удар. Братки обвинили его в предательстве. С большим трудом он сумел перед ними оправдаться.

В конце концов он вышел из банды. Через горы трупов лежал его путь к свободе. Не хотели братки отпускать его.

Но он стал свободным человеком. И даже сдружился с теми же Светловым и Вершининым. В дальнейшем они совершили вместе немало славных дел.

Только вот с этими типами Никита никаких общих дел иметь не будет. Потому что не бандита они сейчас пытаются, а законопослушного гражданина. Они выполняют чей-то заказ. Узнать бы чей?..

У Никиты чуть глаза на лоб не вылезли, сосуды в голове едва не полопались. Он умирал. Но палачи не позволили ему даже сознание потерять. В самый последний момент они отпустили шланг. Воздух хлынул в легкие. Но Никита радости не испытал. Он знал, это только начало...

– Признаваться будем? – спросил коренастый.

– Нет, – замычал он.

И снова подлая рука пережала шланг.

Никита умирал и снова оживал. Иногда на короткое время терял сознание. Ему приходилось тяжело, не было сил терпеть пытки, хотелось выть от ужаса перед очередным истязанием. А его палачи только смеялись. И участливо спрашивали, не желает ли он чистосердечно признаться в содеянном преступлении.

Он не соглашался. И каждый раз качал головой. Менты уже не улыбались. Глаза коренастого наливались кровью от бешенства.

– Ну что, гад, бумагу писать будем? – сдирая с него маску, орал он. – В последний раз спрашиваю, бумагу писать будем?..

Никита замотал головой. У него уже не оставалось сил, чтобы говорить.

– Ну ты меня достал! – сквозь зубы процедил мент.

И с силой ударил его кулаком по лицу. Один раз, второй. Никита не мог оказать ему сопротивление. Руки пристегнуты к трубе батареи, ноги стянуты наручниками...

А мент продолжал с остервенением бить его. Мощные удары сотрясали голову, где-то внутри что-то хрустнуло. Губы всмятку, носом хлынула кровь, все лицо покрылось кровавыми ссадинами и шишками.

Сначала было больно. Затем боль притупилась. А коренастый все бил и бил.

Остановился он, когда Никита потерял сознание.

Его окатили холодной водой, Никита пришел в себя. Но глаз не открывал. И слышал, как переговариваются меж собой менты.

– Идиот ты, Саша, идиот... Зачем ты морду ему разбил? Теперь знаешь, сколько шуму будет?

– Будь спок, у меня на этот счет все готово!

– Точно?

– Обижаешь... Я сейчас этому козлу помойному еще и ливер отобью... Не расколется, на себя пусть пеняет... Эй, а ну давай, поднимайся, мурло!..

Коренастый больно пнул его носком под ребро. Никита открыл глаза. Его резко подняли с пола. Усадили на табурет.

– Жить хочешь? – пристально глядя ему в глаза, спросил высокий.

– Хочу, – пошевелил опухшими губами Никита.

Что правда, то правда. Жить ему хотелось.

– Тогда пиши признание... Мы ведь уже далеко зашли. Терять нам нечего. Если не признаешься, мы тебя уьем. Инсценируем попытку к бегству и пристрелим... Еще раз повторяю, нам терять нечего...

– Козлы!..

И снова на Никиту обрушился град ударов.

– Хватит! – остановил коренастого высокий.

Избиения прекратились.

– Не сломается... – будто откуда-то с высоты донесся до Никиты голос.

– Ну и хрен с ним!..

– Как бы нам за него не влетело...

Знают, падлы, с кем связались.

– Да не бзди ты. Я же сказал, все будет в порядке...

Никиту подняли с пола. Поставили на ноги.

– Зря ты героя из себя корчишь, – с упреком сказал коренастый. – Все равно тебя ничто не спасет. Пистолет твой, отпечатки твои. Жениху покойной ты угрожал... Ладно, пошел, утомил ты меня...

Опер вызвал конвой. Никиту вывели из кабинета и повели в изолятор.

Время позднее. Дежурной смене изолятора хотелось спать. А Никита своим появлением вторгся в тишину дремлющего царства. Потревоженный постовой тихо ругнулся себе под нос. И зазвенел ключами. Впустил в свой блок, отворил тяжелую железную дверь камеры.

Но эта камера не та, которую он покинул. Никита попытался возмутиться. Но конвоиры бесцеремонно втолкнули его внутрь. Дверь тут же закрылась.

Камера небольшая. Пять коек, одна свободная. Стол, лавка, умывальник, «очко». Между столом и дверью свободное пространство – пятак площадью не больше пяти-шести квадратных метров.

На шконках люди. Все спят. Вроде бы спят. Никто не храпит. Зато все дружно смердят. Вонь от грязных носков, давно немых тел. И от параша пакостный запах. Тоска смертная.

Никита стоял у дверей камеры. И не торопился занять свободную койку.

Его заметили. С верхней шконки у окна раздался тихий, по-хозяйски жесткий голос:

– Чего встал, как лярва на панели?

– Чо, фраерок, заблудился? – хихикнул другой.

– Знаю я этого козла, – загудел третий. – Он мою сеструху замочил...

А вот эта труба взяла явно фальшивую ноту. И чересчур подозрительна эта фальшь.

Сначала перед Никитой возникла одна уголовная рожа, затем вторая, третья... Один уже в годах – лет под сорок. Но крепкий дядя, кулаки-молоты. Второй совсем молодой. Но ранний. Змеиный яд во взгляде, резкие движения. Третий тоже здоровый. Но чувствует себя неуверенно. Явно нервничает. И не смотрит Никите в глаза.

И четвертый со своего места поднялся. Маленький, щупленький. Но руку почему-то за спиной прячет.

– Заждались, мурики? – спросил Никита.

Он понял все. Вот какой сюрприз приготовили ему менты. Сейчас эти скопом набросятся на него. Изобьют до полусмерти. И попробуй докажи, что до этого над ним измывались менты!..

А могут ведь и убить. Ненароком. Или даже нарочно. Тоже очень удобный вариант. Результат экспертизы против Никиты, косвенных улик и так хватает. Никиту можно грохнуть. Все равно по всем ментовским делам он пройдет как убийца. Убийство гражданки Зайцевой раскрыто, преступник установлен, задержан, но погиб в результате несчастного случая. Все, дело можно закрывать. Доблестный МУР отрапортует о раскрытии еще одного преступления. Кому-то звездочка на погон упадет, кому-то премиальная копейка в карман капнет.

– Заждались, – прохрипел первый здоровяк. – Давно тебя ждем...

– Сестру он мою замочил, – показал на Никиту пальцем второй.

– Вы меня с кем-то путаете...

– Да нет, не путаем... Ты мою сестру замочил.

– И мою...

– Мою тоже...

Это спектакль. От этих ублюдков требуется «справедливое» возмущение. И вот оно, пожалуйста.

Сцена неубедительная. Но ставил ее опытный режиссер. Со звездами на милицейских погонах. И закончиться спектакль должен кровавым финалом...

Только еще неизвестно, с чьей стороны прольется кровь.

Четверо медленно и неотвратно надвигались на Никиту. Еще одна-две секунды, и начнется...

– Эй, мужики, я что-то не понял... – Никита испуганно попятился к двери.

– Гасить тебя будем, чего тут не понять...

– А может, не надо?.. Я бизнесмен. Очень богатый. У меня много денег. Не трогайте меня, а?.. Прощу вас. А я вам каждому по миллиону...

Те задумались. По миллиону на брата – это много. Но перевесят ли эти деньги ментовские поблажки?..

– По миллиону долларов...

Застыли как вкопанные. Миллион долларов – это очень много.

– На каждого счет в швейцарском банке открою. Деньги туда переведу...

У них перед глазами замелькали семизначные цифры, где-то на горизонте замаячили роскошные виллы, дорогие машины.

Их было четверо. Но миллионы разъединили их. Они уже не вместе, они каждый по себе. Этого и добивался Никита.

Левой рукой он ударил первого – растопыренными пальцами по глазам. Здоровяк завизжал как резаный, закрыл лицо руками, кулем осел на пол.

Правой рукой Никита ударил второго противника. Костяшками пальцев под носовой хрящ. Весь яд этого ублюдка выплеснулся из него вместе с кровавой юшкой. Удар удался. Еще один боец слетел с орбиты.

С третьим справиться легче легкого. Тот еще не успел осознать, что дело швах. А Никита уже ударил его ногой в пах. Страшная боль согнула противника в бараний рог, швырнула на пол.

Остался четвертый. Маленький доходяга. Но при этом самый опасный из всех. В руке у него заточка.

Только в ход пустить ее не смог. Ударил, но Никита перехватил руку. Выкрутил нож, пяткой ударил в ступню. Дикий вопль, выпученные глаза.

На этом все. Четыре – ноль в пользу Никиты. А иначе и быть не может...

Глава 3

1

– Валера, Валерик, ну Валерочка!.. Ну я больше так не буду!.. Ну прости, ну пожалуйста!..

Лелька снизу вверх заглядывала ему в глаза. Вид у нее жалкий, как у побитой собаки.

Только Валеру ей не пронять. С безразличным видом он сидел за столиком ночного клуба, потягивал из бокала пиво. Все внимание на сцену, где пела и дергалась рыжая дива – новоявленная звездочка одного уровня с певицей Лелей.

Ночной клуб не самый престижный. Хорошо раскрученных звезд сюда не затащишь – гонорары не те. Зато таких вот звездулек пруд пруди.

– Ну Валерик... – продолжала хныкать Лелька.

– Что Валерик?.. – Он небрежно глянул на нее. – Чего сидишь? Скоро твой выход. Иди, готовься...

– Валера, ну не злись на меня, ну пожалуйста...

– А я не злюсь. Просто ты мне до фонаря!

Может, до фонаря. А может, и нет.

После того памятного случая с Юрасом они продолжали жить в одной квартире. Правда, спали в разных комнатах. Лелька пыталась штурмовать его постель. Но безуспешно. Он не мог простить ей измену – стойко держал оборону.

Только если б она захотела уйти от него, он бы постарался ее удержать. Плохая она или хорошая, но привык он к ней, без нее будет скучно, неуютно.

– У меня к тебе только деловой интерес...

Ведь он продюсер и администратор в одном лице. Вместе они уже готовы к большому рывку вперед. Готов материал для первого полного сольного концерта. Неплохие песни. Одну из них Лелька сегодня исполнит. Пусть и не престижная сцена в этом клубе, но на таких вот площадках в самый раз шлифовать пока еще шероховатые песни.

А в самом ближайшем времени они запишут концерт, снимут пару клипов. Через телевидение, радио, прессу начнется новый, куда более массиванный артобстрел людских ушей. Народ не выдержит, дрогнет и сдастся Лельке на милость. Компакт-диски, аудиокассеты разойдутся по стране крупными тиражами. Организаторы концертов будут выстраиваться к ней в очереди... Все это будет. Обязательно будет. Если, конечно, Никита не прекратит финансирование их проекта.

– Валера, ну это же смешно!..

– Измена – это смешно?.. Может, и смешно. Только если это с другими происходит. А ты мне рога наставила. Мне... И я тебе этого не прощу...

– Знаешь ты кто? Ты пещерный человек, неандерталец. Тебе в каменном веке жить... – Лелька разозлилась.

Сорвалась с места и понесла свой аппетитный зад прочь от него.

Огонь-девка. Красивая, стройная, фигура фотомодели. И одевается со вкусом. Стильно и очень сексуально. Мужики от нее балдеют. А ей, сучке, этого только и надо. Нимфоманка хренова!..

Валера удрученно вздохнул. Залпом осушил бокал до дна. Сунул в рот сигарету, щелкнул зажигалкой.

– Извините, у вас свободно? – послышался милый девичий голосок.

Перед ним возникла юная красотка. Прелестное личико, длинные светло-русые волосы, растекающиеся по плечам. Матовая кожа. И фигурка – высший класс. Приталенный короткий сарафанчик из кожи, полусапожки на высоких каблуках.

– Вообще-то, нет, – сглатывая слюну, пробормотал Валера.

Девчонка произвела на него ошеломляющее впечатление.

Хотя почему это нет?.. И место рядом с ним свободно, и сам он свободен. Чего это он за Лелькину юбку держаться должен?.. Пошла она! Как она с ним, так и он с ней!..

– Ну извините, – сразу сникла девчонка.

И собралась уходить. А ведь уйдет.

– Вы меня не так поняли, – разволновался Валера. – Присаживайтесь, пожалуйста...

– Спасибо! – сразу расцвела красотка.

И присела рядом с ним. Забросила ногу на ногу. Гиперсексуальный эффект. Валера чуть слюну на грудь не уронил.

Красотка достала из сумочки тонкую дамскую сигарету. Взяла ее в два пальца, поднесла ко рту. Валера проявил галантность. Высек огонь, поднес к ней к кончику сигареты.

– Спасибо! – поблагодарила она.

И эффектно выпустила струйку дыма.

– Меня зовут Лера... Полное имя Валерия...

– О! Да мы с вами тезки...

– Я знаю.

– Откуда?

– Мне вас Юра порекомендовал.

– Какой Юра?

– Ну, его еще Юрасом зовут...

Валера сразу помрачнел. Лицо будто окаменело.

– Что-то не так? – простая, как сама наивность, спросила Лера.

– И где он, этот Юрас? – жестко спросил он.

– Не знаю. Мы только сюда зашли, он увидел вас. Сказал, что вы тот человек, который может мне помочь. И ушел. А меня оставил... Он рад отвязаться от ме-ня... – Лера скуксилась.

Еще чуть-чуть, и расплачется.

– Ты его хорошо знаешь?..

– Не очень... Но знаю, что он сильный, смелый. За женщину одну заступился. Подонков унять хотел. Только те руку ему в драке вывихнули...

– Это он так тебе сказал? – поморщился Валера.

Подонком он себя не считал. Тем более во множественном числе... А этот Юрас не только сволочь, он еще и брехло порядочное. Герой зачуханный!

– Ну да... Он мне таким хорошим казался...

– Пока до постели дело не дошло. Так?..

– А вы откуда знаете?..

– Извини, что я так грубо с тобой. Но просто я хорошо знаю этого Юраса. Козел он, самый натуральный козел... Это я ему руку вывихнул.

– Да вы что! – слегка ужаснулась Лера.

Ладошку ко рту поднесла. Глазки округлила.

– Только никакой женщины не было. Ни за кого он не заступался. Просто я его летать учил. С балкона третьего этажа. Но он летать так и не научился. Крыло вывихнул...

– Это ужасно!..

– Что именно?..

– Я думала, вы с Юрой друзья...

– С чего ты взяла?

– Он сказал...

– Брехун он, этот твой Юрас. Да в гробу я таких друзей видел!

– Значит, его протекция для вас ничего не значит...

– Какая протекция?

– Ну как же! Юра сказал, вы группу набираете. В ней будут одни девчонки. Две будут петь, две другие танцевать... Он сказал, что вы можете меня к себе взять...

– Этому дебилу язык вырвать надо... Не набираю я никакой группы. Наврал тебе Юрас. Чтобы от тебя избавиться...

Он и его самого достал такой группой. Себя в нее включил, Лельку, Олечку. Танцы втроем в постели. Не очень высокий уровень исполнения. И выше этого уровня Юрасу не подниматься. Гениальный шоумен. Трепло и чмо недобитое – вот он кто...

– Таких идиотов, как этот Юрас, еще поискать. Знаешь почему?

Лера мотнула головой.

– Потому что нужно быть полным кретином, чтобы бросить такую девчонку... Ты, Лера, классная девчонка. Тебе, наверное, часто это говорят...

– Говорят, – улыбнулась она. Только улыбка сразу потускнела. – И Юрас говорил...

– Ты красивая. Ты очень красивая...

На сцене появилась Лелька. Она запела, танцует. Только Валера проигнорировал ее. Все внимание на Леру. Жуть какая соблазнительная девчонка.

– А еще я танцевать могу... – зато она заметила певицу. – Уж получше, чем вот она...

Валера посмотрел на Лельку.

Чего греха таить, на сцене она смотрелась великолепно. Короткие шортики, жилетка на «молнии» – все оранжевое, из латекса. Сама по себе девка она ладная плюс сногшибательный наряд – все вместе ядерная секс-бомба. Вон мужики за соседним столиком зашевелились. Песня убойная, танковым клином на уши наезжает. Голос у Лельки неплохой, слух отменный – петь она умеет. Только танцует неважно...

А может, не такой уж и кретин этот Юрас. Может, в самом деле пару девчонок Лельке на подтанцовку бросить? В группу их объединить. Название звучное дать. «Крыша съехала» – это, конечно, слишком. А вот «Аленушки интернейшнл» – это здравая мысль.

– Точно лучше? – спросил Валера.

– Ну да... Я с трех лет танцами занимаюсь...

– Надо тебя посмотреть... Может, возьму тебя на подтанцовку...

– Правда? – засияла Лера.

– Я же говорю, сначала посмотреть надо...

Лера взирала на него как на божество... Хотя почему как?.. Девчонка рвется на большую сцену. Может, это ее судьба. Тогда, получается, Валера вершитель судеб...

– А когда?

– Ну я еще не знаю...

– А давай сегодня!

Похоже, девчонка разошлась не на шутку. Глаза горят, щеки пылают.

– Не спеши...

– Так хочется сразу... Поехали ко мне. Я тебе дома станцую... Хочешь стриптиз?

«Хочу!» – чуть не вырвалось у Валеры.

Он представил, как Лера будет раздеваться перед ним под музыку. Будто горящий бензин по жилам разлился...

А ведь Лера будет раздеваться, будет. Она на все пойдет, лишь бы угодить ему...

– Нет, стриптиз не надо, – покачал он головой.

Не такая он сволочь, как тот же Юрас. Это грязно – воспользоваться женской слабостью. Это подло...

– Тогда просто ко мне поехали, – не сдавалась она. – У меня на видео есть запись. Посмотришь, как я танцую...

– Ну, если просто посмотреть...

Слишком велико было искушение. Это же здорово – быть с Лерой наедине. Где угодно, хоть в машине, лишь бы никто не мешал. В чем?.. У Валеры в одном месте давление подскочило, когда он подумал, чем они с ней будут заниматься...

– Пойдем? – Лера легко вспорхнула со своего места.

– Пошли, – пожал плечами Валера.

Он позвонил официанту, оплатил счет. И вместе с Лерой направился к выходу. Но не тут-то было.

Музыка за спиной продолжала играть, а вокал оборвался. Леля спрыгнула со сцены в зал, бросилась за ним. Перехватила его у самого выхода.

– Ты куда собрался? – взвизгнула она.

Волосы всклокочены, в глазах злые огни, возмущенное лицо. Разгневанная тигрица. Того и гляди ему в глаза когтями вцепится. И Лере достанется.

– Куда надо! – отрезал Валера.

– С блядьми гулять, да? – орала Лелька. – Я ей сейчас все волосы вырву!..

Ага, ей можно налево ходить, а ему нет.

– У нас что, матриархат? – возмущенно спросил он.

Сцена ревности стала всеобщим достоянием. Вокруг них собралась толпа зевак. Зрелище что надо – скандал между известной певицей и ее продюсером.

– Никогда я тебе этого не прошу! – еще громче заорала Лелька. – Никогда!..

Валера повернулся к ней спиной. И направился к выходу. Лера уже давно покинула зал. Ей хватило благоразумия убраться подальше от разъяренной секс-дивы.

Лельке же хватило ума не доводить дело до драки. Не усугубила скандал.

А скандал налицо. И, может быть, даже хорошо, если он будет замечен той же какой-нибудь желтой газетой. Скандальная реклама похлеще обыкновенной. А реклама Лельке нужна.

Только вряд ли она разожгла весь этот сыр-бор из-за рекламы. Она по-настоящему ревновала Валеру, ярость ее натуральная – никаких сомнений.

Лелька осталась в клубе. Продолжит она выступление или пошлет всех куда подальше – это ее проблемы. У него же своя проблема – Лера. Она ждала его на выходе из клуба.

– Это было что-то! – восторженно отозвалась она об инциденте. – На ее месте я бы тебе точно в глаза вцепилась...

– Да ну! – ошалело посмотрел на нее Валера. – Ты что, серьезно?..

– Ну да... Был бы ты моим кексом, я бы тебя никому не отдала. Глаза бы выцарапала, чтобы ты никому больше не нужен был...

– Тогда я с тобой никуда не поеду.

– Да ладно, я ж пошутила.

Лера взяла его под руку, прижалась к нему.

– А потом, ты не мой кекс. Мы же просто видео смотреть едем...

Она жила в Одинцове. Туда они ехали на его джипе. Им могла бы воспользоваться и Лелька. Да только обойдется!..

Вины перед Лелькой он не чувствовал. Как она с ним, так и он с ней. Долг платежом красен...

– Я живу с братом, – предупредила его Лера.

– Мы его не разбудим?

– Ты думаешь, он маленький. Ха-ха, ему уже двадцать три. Он охранником в частной фирме работает. Сегодня в ночь. Только завтра к обеду дома будет.

– А мы успеем до этого видео посмотреть?

– И не один раз, – понимающе улыбнулась Лера.

Квартирка самая обыкновенная. Двухкомнатная в панельной десятиэтажке. Обыкновенная отделка, обыкновенная мебель. Не бедно, не богато.

Лера провела его в комнату, усадила на диван. Сама подошла к стеклянной тумбочке, на которой стоял телевизор с видеком, присела. Она искала нужную видеокассету, а он смотрел на нее.

Он представил, как сейчас подойдет к ней, мягко повалит на ковер и... Валера дал волю самым смелым фантазиям. В паху загудела мартеновская печь, в плавках пошла плавка...

– Ой, кажется, у меня нет этой кассеты... Ах да, я у Юраса ее оставила...

– Ты и ему показывала, как умеешь танцевать?

– Да. Он очень этого хотел.

Знает Валера, чего хотел этот урод. Жаль, башку ему тогда не свернул.

– Что же мне теперь делать? – тяжело вздохнула Лера. И с надеждой посмотрела на него.

И просительно: – Может, вживую?..

И козлу Юрасу она тоже вживую танцевала... Да только какая разница, как и перед кем она вытанцовывала? Он хотел Леру. Он очень ее хотел. И она хочет. Танцевать перед ним хочет. Пока только танцевать...

– Да, если можно...

– Не можно, а нужно...

Она потушила в комнате свет, зажгла бра. Включила музыку. И с блуждающей улыбкой на лице начала покачивать бедрами. Мягкая музыка, плавные телодвижения.

Техника танца на уровне... А с какой легкостью она вылезла из сарафанчика. И лифчик будто сам по себе отлетел в сторону...

Дальше все происходило, как в каком-то эротическом сне. В какой-то момент Лера оказалась у него на коленях, обхватила руками его шею, затычным поцелуем впилась в его губы. Трусики на ней уже не было...

* * *

– Ну что, тебе понравилось, как я танцевала? – спросила Лера.

На улице осень. Промозгло. Но в квартире уютно. Да и тела их после часовой тряски хорошо прогрелись. Она лежала в постели, не укрываясь. Не стеснялась своей наготы. Девочка без комплексов.

Они занимались сексом всю ночь. Лера показала класс – выжала из него все соки. Сама устала, его замотала. Они заснули только под утро. А когда проснулись, снова в бой. А почему нет, дело-то хорошее...

Но всему хорошему приходит конец. Пора закругляться. Через пару часов брат Леры должен вернуться. Встреча с ним в планы Валеры не входила.

– Понравилось, – одеваясь, кивнул он.

– Ты берешь меня в свою группу?..

– Пока не знаю... Если что, позвоню.

– А может, при встрече скажешь?.. Или ты не хочешь больше со мной встречаться?

– Да хочу...

Если честно, он и сам не знал, хочет ли он повторения пройденного или нет...

– Ты позвонишь?

– Само собой...

Она проводила его до двери. На прощание Валера чмокнул ее в щечку.

Он выходил из подъезда, когда на пути ему попался парень атлетического сложения. Квадратная репа, челюсти что жернова на мельнице, взгляд колючий.

Мордovorот недобро ухмыльнулся, стрельнул в него взглядом. И нехотя посторонился – чтобы избежать столкновения. Он хоть и здоровяк, но и Валера не пальцем деланный. У самого внушительная комплекция. И кулаками он махать умеет – будь здоров.

2

Валера вернулся домой к обеду. И нарвался на холодный, осуждающий взгляд Лельки.

В квартире идеальный порядок, запахи из кухни обалденные. Смотри, мол, какая я хозяйка – написано в глазах. Только на языке не те слова.

– Нагулялся, кобель? – не очень вежливо спросила она.

– Еще только начал...

– Трахнул свою сучку?

– Один – один, ничья. Пока ничья...

– Значит, трахнул?

– Это мои личные проблемы...

– Это твое личное горе!

– Кто бы говорил...

Валера прошел в гостиную, сел в кресло, расслабился. Взял пульт управления, включил телевизор. Ему вовсе не хотелось его смотреть, просто надо было голос Лельки заглушить.

Но его внимание привлекло имя Никиты Брата – из уст телекомментатора прозвучало.

– Вчера вечером был взят под стражу известный предприниматель Никита Брат...

И Лелька уже слушала. Перевела недоуменный взгляд с экрана на Валеру.

– Ты что-нибудь понял? – спросила она.

Они вмиг забыли о своих распрях. Но без грубости Валера обойтись не смог.

– Да помолчи ты! – цыкнул на нее.

Пусть не мешает слушать. Два раза одно и то же для них повторять никто не будет.

– ...Новости, как говорится, из первых рук, – продолжал вещать комментатор. – Не далее как сегодня утром городская прокуратура выдвинула против Никиты Брата серьезное обвинение. Он обвиняется в убийстве Тамары Зайцевой...

Валера не мог в это поверить. Лелька хватала ртом воздух – так разволновалась. И уши у нее шевелятся, в режим радара переведены – боится пропустить хоть слово.

– У прокуратуры имеются серьезные основания для подобного обвинения. Про доказательства его вины говорить не буду – есть такое понятие, как тайна следствия. Вчера вечером господин Брат был доставлен на Петровку, 38, где был помещен в камеру изолятора временного содержания. Следовательно, в чем производстве находится дело, утверждает, что сокамерники приняли Никиту Брата в штывки. Из-за возникших недоразумений вспыхнула драка. Господин Брат был избит. В настоящее время он находится в одиночной камере, ему оказана необходимая медицинская помощь... Мы просим прокомментировать ситуацию адвоката господина Брата...

На экране появился разгневанный адвокат. Лицо в красных пятнах, глаза навывкате, губы трясутся.

– Это безобразие! Это произвол! – сотрясал он воздух. – Если в ближайшее время моего подопечного не освободят из-под стражи, я буду вынужден обратиться в Комиссию ООН по защите прав человека!.. У меня есть все основания предполагать, что моего подопечного господина Брата жестоко избивали во время допроса. Но он не признал свою вину даже под пытками. Потому что он невиновен! Дело против него сфальсифицировано – это однозначно, никаких сомнений в этом нет и быть не может. Я не берусь сказать, кому выгодно вывести господина

Брата из большого бизнеса, изолировать его от общества. Но я догадываюсь, кому это может быть выгодно. В настоящее время идет грандиозный передел собственности и сфер влияния в масштабе всей страны. Не так давно мы с вами стали свидетелями беспрецедентной уголовной травли небезызвестного господина Гусинского. Сейчас же примерно подобная история повторяется с господином Братом. Кому-то в правительственных кругах выгодно вывести его из игры...

Речь адвоката оборвала рекламная заставка. «Сникерсы», памперсы, крылатые прокладки в крутом пике...

Все это время Валера и Лелька молчали. Растерянно смотрели в телевизор.

Реклама закончилась. Но тема Никиты Брата была уже закрыта. Передача шла о другом.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросила наконец Лелька. – Я в транс... Никиту обвиняют в убийстве. Это очень серьезно.

– Он убил Тамару. Ты понимаешь, он убил нашу Тамарку...

– Ты веришь в это?

– Нет!

– Я тоже.

– Наверное, дело и вправду сфальсифицировано.

– Не надо забывать, в какой стране мы живем. – Это уж точно, у нас ничему нельзя удивляться...

– Думаешь, он выпутается?

– Не знаю... И что нам без Никиты делать, тоже не знаю...

Без Никиты может закрыться источник финансирования. Но сейчас Валеру это волновало меньше всего.

– Ничего, мы уж как-нибудь выкрутимся. А вот как ему помочь?..

– Ничем мы помочь не сможем... Если, конечно, будем порознь...

– О чем ты?

– Да все о том же...

Лелька подошла к нему, запустила руку ему в волосы, села на колени.

– Нельзя нам быть в ссоре...

– Нельзя, – кивнул он.

– Значит, мир?

– Мир...

Лелька изменила ему. Он изменил ей, отомстил. Получается, они квиты. Не совсем, конечно, квиты. Осадок у него в душе останется навсегда.

Но не могут они расстаться. Они как те два разнополюсных дурака, которых тянет друг к другу, несмотря ни на что.

– Ты больше не будешь встречаться с этой сучкой?..

– Она не сучка. Но все равно я уже забыл...

Лелька добралась до пуговицы на его штанах. Затем вжикнула «молния».

Но финал этого действия был неожиданным для них обоих.

Валера начал ее раздевать. И тут звонок в дверь. Длинный, настойчивый.

– А вдруг это весть от Никиты? – встрепенулся он.

И пошел открывать дверь.

На лестничной площадке стоял человек в милицейской форме. Старший лейтенант.

– Откройте! Я ваш участковый. Проверка паспортного режима...

Валера послушно открыл дверь. И тут же в квартиру вломилась пара крепыша в бронежилетах и с автоматами. Не давая ему опомниться, они поставили его лицом к стене, заломили руки за спину. На запястьях замкнулись холодные стальные браслеты.

Участковый так и остался стоять на лестничной площадке.

– Что происходит? – послышался истерический Лелькин вопль. – Это безобразие! Это произвол! Я буду жаловаться в Комиссию ООН...

Ну в точности, как адвокат Никиты.

– Жалуйтесь, – зевнул участковый. – Мне-то что... Мне приказали, я задержал...

– А что я такого сделал? – пришел в себя Валера.

– В отделе узнаешь...

Его вывели из дому, бросили в зарешеченный отсек ментовского «бобика». Отдел милиции был недалеко. Но, возможно, его везли в другой отдел. Или даже на Петровку, 38. Уж больно долго находились они в пути.

Валеру вытащили из машины, провели в отдел. Из дежурной части ему навстречу вышел майор со значком дежурного.

– А-а, доставили крадуна... В «аквариум» его...

С него сняли наручники и швырнули в остекленную кутузку напротив дежурной части. Закрыли за ним дверь. Никто не удосужился даже сказать, за что его так...

В «аквариуме» он был не один. В углу на лавке сидел парень с бритой головой и наглыми глазами. Он глянул на Валеру и небрежно сплюнул ему под ноги через дырку в зубах, желтых от табака.

– А по морде? – рыкнул на него Валера.

Парень презрительно скривился.

– А перо в бочину? – на блатной манер протянул он.

И пальцы веером раскинул в подтверждение своей крутизны.

Только не больно-то боялся его Валера. И с удовольствием размазал бы его по стенке. Да ситуация не та. Как бы не усугубить свое и без того незавидное положение.

Он сел на лавку подальше от парня. Может, он псих какой-нибудь. Возьмет и кинется на него с заточкой. Мало ли, вдруг при нем «пика» – при обыске не нашли. Придется челюсть ему ломать.

– Слышь, ты! – снова сплюнул парень. – Ты хоть знаешь, за что тебя сюда впарили?

– Ты будто знаешь, – огрызнулся Валера.

– Я-то?.. Я-то знаю... Лерке спасибо скажи.

– Что-что?

– Швабра в кожаном пальто!.. Бабы до добра не доводят. Ты ее трахнул, а Харлам заяву на тебя накатал...

– Какой Харлам?

– А ты Лерку на его хате драл...

– Ее брат?

– Ага, молочный... – ухмыльнулся парень. – Она Юраса сестра...

Валеру как током шибануло.

– Юраса?!

– Ну да, того, который тебя на Лельку развел. А сейчас тебя Харлам с его сестрой развел...

Вот тебе и на.

– Откуда ты знаешь?

– Я-то?.. Да я все знаю...

– Значит, заяву на меня накатали?..

– Точняк...

– В чем обвиняют? Лерку изнасиловал?..

– Не ссы, с этим все путем. Лерка сама тебе дала. Она-то тебя ни в чем обвинять не собирается. Такое же трухло, как и ее братан... Тебя по другой статье оформят... Ты же, когда от Харлама уходил, двести баксов спер...

– Что?! – вскипел Валера.

– А может, и триста, – хохотнул парень. – Но в заявке Харлам двести указал. Ты чисто его зарплату за месяц смыл. Как тебе это нравится?..

– Ты серьезно?..

– А что, менты тебе не объяснили?

– Нет...

– Ну, вот я тебе объясняю. Ты Харлама обокрал. Потому ты здесь...

– Но я же ничего не брал!

– А кого это гребет?.. Ты в хате у него был? Был. Пальчики там свои оставил? Оставил. Деньги пропали? Пропали... Так что не унывай, братуха, сто пятьдесят восьмая – это твоя статья. Годика на три загремишь как пить дать...

– Ты откуда знаешь?

– Так известно, я ж здесь неспроста. От Харлама я. С деловым к тебе предложением...

Лера – это подстава. Она заманила его на квартиру к какому-то Харламу, отдалась ему. Он ушел, но при этом как бы обокрал хозяина квартиры. Харлам в справедливом гневе пишет заявление в милицию. Держите вора!.. Валеру задержали, будут шить ему дело. Если, конечно, он не примет «деловое» предложение Харлама.

Это шантаж. Самый обыкновенный шантаж.

Хорошо, Лера не хочет идти дальше в этой игре. А то ведь могла в изнасиловании его обвинить. Это вообще труба...

– Так что, Харлам связан с Юрасом? – усмехнулся Валера.

– Лучшие друзья, – хохотнул парень. – Только Юрас – чмо. Он на тебя через ментовку давить испугался. А Харлам – глыба. Если он за что-то взялся, то это железно... А ты, я смотрю, сам до всего допер...

– Не буду я с Юрасом работать. Не буду его липовую группу финансировать...

– Жмот ты. Вот ты кто!.. Мы тебе вариант предлагаем. Ты нам – мы тебе. Ты со своего спонсора в нашу пользу штук пятьдесят баксов скачаешь и в наш карман сольешь. Для твоего Никиты Брата – это пустяк. А нам прибыль, большая прибыль. Мы с тебя полсотни тонн баксов скачаем и отстанем. А ты зато на свободе останешься. Дальше дела свои делай, нам-то что...

– Хитро вы все придумали... Только неувязочка вышла. Господин Брат арестован. Ему грозит солидный срок...

– Да?.. Ну и что?..

– А то, что я не смогу больше получать от него деньги...

В глазах парня отразился мыслительный кризис. Он легко и просто разъяснял вещи, кем-то вбитые в его башку. Но сейчас он оказался в нестандартной ситуации. И, как итог, пробка в мозгах.

Какое-то время он тупо смотрел на Валеру. Затем все же «умная» мысль посетила его.

– Значит, отдашь нам свои бабки...

– Не дождетесь, – усмехнулся Валера. – Вы даже не знаете, с кем связались... С огнем играете, ребята...

– Ты, что ли, огонь? – презрительно скривился парень.

– Поживем – увидим...

– А тут и смотреть нечего. Мы тебя быстро уделаем, только рыпнись...

– Кто это мы?

– Харлам со своими пацанами.

– Передай Харламу, чтобы молебен в церкви заказывал. Для себя и своих пацанов... Я не шучу...

– Мы тоже шутить не будем... Готовь полсотни штук баксов, иначе...

Парень красноречиво провел ладонью по горлу.

Это был предел. Стерпеть подобное Валера не мог. Он уже приготовился к броску. Еще пара мгновений, и парень валялся бы на полу без чувств.

Но убудку этому повезло. Дверь «аквариума» открылась, появилась репа дежурного майора.

– Сникин, на выход, – зевнул он.

Парень поднялся, ослабил.

– До встречи! – бросил он.

И направился к выходу. Валера едва удержался, чтобы не подставить ему подножку.

– Встретимся, я тебе шею сверну! – пригрозил он.

Но парень сделал вид, что не услышал.

Валера остался один. Никто не торопился прийти за ним, забрать на допрос. Будто все забыли о нем.

Только не так оно на самом деле. Не забыли про него. Просто чем-то другим менты заняты. Не до него. Но дойдут у них до него руки. И, возможно, не только руки, но и ноги. Повалят на пол и будут пинать ногами в живот – это у них запросто.

Что за напасть такая? Никиту арестовали по обвинению в убийстве. Его самого повязали, кражу шить будут.

Какой-то убудок Харлам Валеру подставил. Шантажом, гад, решил поразвлечься. Куш в пятьдесят тысяч долларов сорвать. Губа не дура.

А вот какая падла Никиту за решетку засадила?.. Какой-то Харлам?.. Даже смешно думать. Не по зубам этому подонку Никита...

И все же, по чьей вине арестован Никита?..

Валера не сомневался в том, что Никиту оклеветали. Не мог он убить Тамару.

Неизвестно, выпутается Никита из этой истории или нет. То же нависло и над Валерой – и ему грозит срок. И, что самое обидное, они не в силах помочь друг другу...

3

Снова громыхнула дверь «аквариума». Опять появилась кислая репа майора. И сержант в «бронике», с автоматом. Он вывел Валеру из камеры и повел на второй этаж здания. А там кабинет оперуполномоченных уголовного розыска. Опера сидят за своими столами, исподлобья смотрят на Валеру и чего-то ждут.

Наверное, он должен упасть на колени, в слезных мольбах о пощаде протянуть к ним руки. И во всем хорошенько признаться. Хорошенько – это не только в краже двухсот долларов признаться. Это на себя еще с десятков других нераскрытых краж взять.

– Валерий Михайлович Маркин, правильно? – спросил один опер.

Здоровенный дядька лет сорока с добродушным лицом. Но взгляд тяжелый, жесткий. Он держал в руках паспорт Валеры.

– Вы же видите... – усаживаясь на стул, буркнул Валера.

– Видим... А еще слышим, – кивнул второй опер.

Совсем еще молодой парень. Года на два старше Валеры.

– Певицу Лелю слышим... Между прочим, хорошо поет, мне нравится. А ты ее продюсер, так?..

– Что-то вроде того, – мрачно усмехнулся Валера.

– Почему «вроде»?

– Да потому что козлы какие-то на мое место лезут...

И, не мудрствуя лукаво, Валера рассказал про Юраса, про то, как тот пытался нагреть на нем руки. Его слушали, не перебивали. Никто не остановил его, когда он дошел до Леры, до квартиры Харлама. И про встречу в «аквариуме» с неким Сникиным тоже рассказал.

- Не врешь? – только и спросил его молодой, когда он закончил.
- А чего мне врать? Я еще в здравом уме, чтобы из-за каких-то паршивых двухсот долларов на преступление идти...
- Ну, не паршивых... Двести долларов по нынешним временам – большие деньги...
- Для кого как. Я вот из Чечни этой весной почти десять тысяч привез.
- Воевал?
- Ага, в спецназе. Орденом «Мужества» награжден.
- Впечатляет, – кивнул молодой.
- А еще тебя Никита Брат финансирует, так? – спросил опер в годах.
- Не меня он финансирует. А наш совместный проект. Раскрутка певицы больших денег стоит...
- А некий Харлам позарился на эти деньги. Сначала через некоего Юраса пытался на тебя давить. Потом сам за тебя взялся, так?
- Я понимаю, вы мне не верите. У вас заявление этого Харлама. И ему вы верите больше, чем мне...
- Да нет, ошибаешься, сынок... Мы-то как раз тебе больше верим. Не потому, что ты такой хороший. А потому, что уж больно хорошо гражданина Харламова знаем. Сволочь редкостная. Уличный «отморозок». Житья от него нет... Но заявление мы обязаны рассмотреть. Харламов, конечно, подонки. Но при всем при том гражданин России, на которого распространяется действие Конституции. И мы обязаны ему верить...
- Да не брал я эти двести долларов!
- Но в квартире-то был?
- Был.
- Не отрицаешь?
- Не отрицаю.
- И говоришь, что двести долларов – для тебя не такие уж и большие деньги?
- Ну, по крайней мере, я бы не стал рисковать из-за них... Я вообще никогда в жизни ничего не украл...
- Да мы верим тебе, – подмигнул ему молодой опер. – Знаем, что подонки в Чечне не воюют... Но деньги придется вернуть. Двести долларов, Харламову...
- Но я же говорю, что не брал...
- А кто говорит, что брал? Ты просто верни их. И все...
- И вы меня отпустите?..
- Конечно!
- Оба опера располагали к себе. Спокойные, рассудительные, добродушные. И они готовы отпустить его. Если он вернет Харламу двести долларов.
- Но у меня при себе нет денег... Все забрали...
- Вот, здесь все твои деньги... – опер постарше открыл ящик своего стола, показал бумажник. – Все в целости и сохранности. Можешь проверить.
- Да ну что вы, я вам верю...
- Он верил им. Хорошие мужики, таким не то что деньги, себя доверить можно.
- Валера взял бумажник. В одном отсеке у него хранились двадцати- и пятидесятидолларовые купюры. Он отсчитал двести баксов и протянул их оперу.
- Тот добродушно улыбнулся, взял деньги, спрятал их в стол.
- Ну вот и все! – весело подмигнул он Валере. – Инцидент исчерпан. Можете идти домой, господин продюсер.
- Как? Я могу вот так просто уйти?..
- Конечно!..
- Валера поднялся.

– Ах да, – будто вспомнил молодой опер. – Небольшая формальность... Вот здесь, пожалуйста, распишитесь...

Он пододвинул к Валере бланк какого-то документа. И ручку.

Валера взял ручку, приготовился писать. Даже не посмотрел, что за документ ему подсунули. Так спешил поскорее убраться из этого неуютного места.

Он уже начал писать под диктовку опера, когда распахнулась дверь. И в кабинет вошли двое.

– Привет, мужики! – послышался знакомый голос.

Валера оторвался от бумаги. И глянул на вошедших.

Так и есть, это майор Светлов и майор Вершинин, неутомимые борцы с организованной преступностью. Оба опера поднялись им навстречу, протянули руки для пожатия. Видимо, они не просто знали рубоповцев, но и крепко уважали. Ничего удивительного: Светлов и Вершинин – настоящие, не кабинетные менты. И на службе не первый десяток лет.

– Авдеич, мы за этим охламоном, – показал Светлов на Валеру.

Оба этих мента покровительствовали Никите. А после недавних событий и Валера с ними немного сдружился. И Лелька их знает... Стоп, а не Лелька ли позвонила им?..

– Здравствуйте, Игорь Павлович, здравствуйте, Лев Семенович! – бодро поприветствовал их Валера. И так же бодро сообщил: – А меня уже выпускают...

Только почему-то ни молодой опер, ни тот, который в годах, не торопились подтверждать правоту его слов. И оба почему-то смутились.

– Выпускают? – подозрительно глянул на них Вершинин. – А ну-ка, что за бумага у тебя там?..

Он взял документ, который Валера уже почти подписал. Вчитался в строки.

– Выпускают, значит, – усмехнулся. – Ты хоть знаешь, что это такое?.. Садовая твоя голова, это ж протокол допроса. И ты во всем признаешься...

– Авдеич, ну ты даешь! – хмыкнул Светлов. – Пацана, как последнего лоха, развел...

– Старого мента голова кормит, – вздохнул тот. – Сам знаешь, Игорь, с нас же за раскрываемость спрашивают.

– Да знаю... Но парня отпустить надо. Я за него ручаюсь.

– Тут всего двести баксов каких-то, – вмешался Вершинин. – Даже под стражу брать не обязательно.

– Ну так, если начальник разрешит...

– С начальником мы договоримся.

– Договоритесь – забирайте, мне-то что...

Уже через час Валера сидел на заднем сиденье «Ауди» Светлова. Вершинин восседал на переднем.

– Значит, говоришь, к деньгам Никиты козлы эти подбираются? – спросил он.

– Точно... А как вы меня нашли?..

– Подруга твоя запомнила номера машины, на которой тебя увезли. Нам позвонила. Попросила содействия. Номер отдела мы вычислили. И за тобой. Вовремя подоспели. Ты уже голову в петлю сунул...

– Авдеич – он такой, хитрый лис и битый волк в одном лице, – кивнул Светлов. – Скажи спасибо, что мы с этим отделением дружим, иначе бы тебе такого вставили...

– Но дело твое не закрыто, – сказал Вершинин. – Если с козлами теми не разберемся, мозги тебе парить будут.... А с ними мы разберемся. Харлама этого за жабры возьмем. Прямо сейчас...

Адрес Харлама они взяли в отделении. Поэтому не спрашивали у Валеры, как и куда ехать.

– В курсе, в какую историю Никита влип? – спросил Светлов.

– Слышал. По телику передали... А потом за мной пришли... А как у Никиты дела?

– Плохо... Его в убийстве обвиняют. Уже Генпрокуратура его дело в производство взяла. Очень серьезно все. Ствол с отпечатками его пальцев, отсутствие алиби, косвенные улики. Крепко он попал. Это с тобой все просто, а с ним у нас проблемы...

– Но мы стараемся, – добавил Вершинин. – Сделаем все, что в наших силах... Только против наших сил – еще большая сила. Со всех сторон Никиту обложили, не прорвешься... Но тебя мы выручим, не сомневайся. А пока едем, ты нам всю эту историю по полочкам разложи...

Валера рассказал и про Леру, и про ее брата. Не скрыл, что Юраса с третьего этажа сбросил. Только про измену Лельки ни слова. Это его личное горе.

Машина въехала во двор дома, где жил Харлам.

– Ты, Валер, оставайся здесь, – сказал Светлов. – А мы к этому придурку ходим...

– Точно, придурок, – ухмыльнулся Вершинин. – Полный дебил, ни одной извилины в голове... Нашел, урод, с кем тягаться...

Все правильно. Харлам должен был хотя бы примерно знать, какая сила за плечами Никиты Брата. Так нет, дернулся против него. И автоматически попал под пресс. Светлов и Вершинин – тому подтверждение. Сейчас они его за жабры возьмут, быстро мозги вправят.

Из машины выходить никому не пришлось. Светлов уже открыл дверцу, когда из подъезда вышел сам Харлам. Бритоголовый мордорот в длиннополой кожаной куртке. С ним тот сосед Валеры по «аквариуму». Сникин его фамилия.

– Это они, – показал на них Валера.

– Ну и уроды, – высказал свое мнение Вершинин. – Если честно, я на них уже смотреть не могу. До тошноты надоели...

– Хочешь не хочешь, а надо, – пожал плечами Светлов.

– Будем брать?

– Не сейчас... Кажется, эти голубчики куда-то очень спешат...

Харлам и его спутник прошли через весь двор. И сели в древний «БМВ» с помятым крылом.

– Давай глянем, куда это они лыжи наострили...

«БМВ» с ревом тронулся с места. За ним потянулись черные клубы дыма.

– Сами убогие, и тачка у них полное убожество, – хмыкнул Вершинин.

Далеко машина не уехала. Свернула в какой-то гаражный кооператив. И Светлов туда же свое авто направил.

«БМВ» остановился в дальнем тупике гаражно-кооперативного лабиринта. Пришлось и Светлову остановить свою машину.

Парни из «БМВ» почуяли неладное. Один из машины выполз, второй. Медленно направились к «Ауди». На лицах настороженность, в глазах подозрение, руки в карманах – а вдруг там стволы? Валера почувствовал себя неудобно. Но страха не было.

– Похоже, мы засветились, – сказал Светлов.

И первым выбрался из машины. За ним поспешил Вершинин, на ходу доставая служебное удостоверение.

– Главное управление по борьбе с организованной преступностью!.. – только и успел выкрикнуть он.

Этого хватило, чтобы парни бросились бежать. Пути назад у них не было – за спиной тупик. Оставалось одно – идти на прорыв.

Харламу прорваться не удалось. Светлов ловко подставил ему подножку. Вершинин навалился на него. Вырубил его, заломил руки за спину, защелкнул на них наручники.

Валера тоже не зевал. Вылетел из машины и вдогонку за Сникиным. Нагнал его, толчком в спину сбил с ног. Навалился на него, взял руку на прием.

– Сука!!! – зло шипел парень. – Отпусти, падла, или тебе не жить!.. Ты слышишь меня, я тебя урою!.. А-а, падла!.. А-а-а!..

Валера сделал ему очень больно. Пусть лучше орет, чем сотрясает воздух пустыми угрозами. Можно было его вырубить, но тогда тащить за собой. Пусть своим ходом идет к Харламу.

– Ага, еще одного взял, – одобрил его действия Светлов.

Раз, и на руках парня защелкнулись наручники.

– Менты, падлы, ненавижу!!! – визжал тот.

– Заткни пасть, мразь! – вызверился на него Вершинин.

В мгновение ока он выхватил табельный ствол и сунул парню под нос.

– Еще слово, мудила, башку снесу!..

Парень побледнел. Понял, что его и в самом деле могут грохнуть. Слишком резкие попались менты. Вся показная крутость вмиг ушла.

Харлам пришел в себя. И вперил взгляд в Валеру. В глазах появилось узнавание.

– Что, удивлен? – спросил Светлов. – Тебе же говорили, не связывайся с этим парнем.

А ты связался...

– Кто говорил? – буркнул Харлам.

– А Юрас разве тебя не предупреждал?

– Так это Юрас меня сдал?

– Я слышал, что ты идиот. Но не до такой же степени... При чем здесь Юрас?.. Ты на нашего друга заявление в милицию подал. В краже его обвинил. Юрас тебя не сдавал. Ты сам себя сдал. Парня ни за что под статью подвел. Думал, тебе все с рук сойдет... Предупреждали же тебя, недоделка, что не надо на рожон лезть...

Светлов умеет давить не только физически, но и морально. Знает, как разговаривать с такими ублюдками.

– Ну, предупреждали, – Харлам отвел в сторону взгляд.

– Ты, конечно, не совсем debil. Валеру сумел подставить. Только момент один не учел. Зря ты с ним связался. Сила за ним. Не по зубам он тебе...

– Сила, – презрительно скривился Харлам. – Чхать я хотел на эту силу. Вашего Брата за мокруху засадили. Значит, он такой же, как все...

– Баран ты, – с осуждением покачал головой Вершинин. – Ты так ничего и не понял... Игорь, – посмотрел он на Светлова, – надо бы глянуть, что у них в тачке...

Харлама всего перекошило. Он дернулся, хотел лягнуть Светлова. Но получил ладонями по ушам. Оглушающий удар и очень болезненный. Харлам взвыл и волчком закружил по земле.

В багажнике «БМВ» лежали еще не распечатанные коробки с новенькими автомагнитолами.

– Ух ты, красота-то какая! – Вершинин подошел к Харламу и бросил на него одну коробку.

– Откуда товар? – спросил он.

– Из магазина...

Харлам сильно нервничал. И дураку было ясно почему.

– Значит, из магазина сперли, – усмехнулся Светлов.

– Почему сперли?.. Купили...

– Ну да, так тебе и поверили... Короче, – Вершинин посмотрел на часы. – Мы предлагаем тебе вариант. Ты сейчас едешь с нами в отделение, забираешь свое поганое заявление... А мы оставляем все как есть.

Харлам соображал долго и напряженно. Трудно даются мысли, когда извилин мало.

– Хорошо, я согласен, – кивнул он.

В глазах отчаяние загнанного в ловушку волка.

Харлам сделал все как надо. Забрал заявление. Сказал, что нашлись деньги – никто их не воровал, мол, за шкаф завалились.

На этом инцидент вроде был исчерпан.

– Пошел отсюда, щенок! – погнал его прочь Вершинин. – И не попадайся мне больше на глаза...

Харлам зло посмотрел на него, в глазах угроза. Только Вершинин не придавал взгляду Харлама никакого значения. Как и Светлов. Видимо, они привыкли иметь дело с такими отмороженками. Привыкли не придавать их угрозам какое-то значение. Видимо, им угрожали не раз, а они все живы.

А вот Валера остался под впечатлением. Харлам на свободе. Он псих. Он способен на любую мерзость. И он знает, как добраться до него и до Лельки.

– Жаль, отпустили подонка, – глядя вслед Харламу, сказал Светлов. – Точно, склад какой-то грабанул...

– Банда у него своя, – кивнул Вершинин. – Между прочим, наша компетенция... Надо будет заняться им вплотную...

Глава 4

1

– Брат, на выход! – грозно возвестил надзиратель. – С вещами!..

На этот раз иллюзий у Никиты насчет свободы не возникло. Его выводят из одиночной камеры с вещами только с одной целью – перевести в следственный изолятор. В Бутырку, в Лефортово или в «Матросскую тишину». Выбор ментовского начальства пал на последнее...

Два дня уже он в «Петрах». После победы над уголовниками из «пресс-хаты» его перевели в одиночную камеру. Под орех он этих мерзавцев разделал. Но ментовское начальство на всю ивановскую растрезвонило о ночной драке. Мол, Никита Брат подвергся избиениям сокамерников. Теперь попробуй докажи, что синяки и ссадины на его лице – результат жестокой пытки.

На следующий день появились адвокаты, представители прессы. Никита сделал заявление – его пытали, силой выбивали из него показания. Но он ни в чем не признался. Потому что ни в чем не виновен.

А потом его пытались обвинить в убийстве Павла Юсупова. Будто бы он подложил ему патрон с замедлителем. Чтобы избавиться от своего конкурента в нефтяном бизнесе. У следствия ни единого доказательства его вины. Но это обвинение само по себе усугубляло положение Никиты. Делало его еще более опасным преступником. Как итог, от него отвернулись многие высочайшие покровители.

Напрасно адвокаты пытались изменить меру пресечения. Не выпустили его из-под стражи ни под залог, ни под подписку о невыезде. Генеральная прокуратура и суды ополчились на него. И общественность тоже была убеждена в его виновности.

Но не все против него. В своей Марте, например, Никита уверен на все сто. Только одна беда. До сих пор она в тяжелом состоянии. Результат сильнейшего нервного потрясения. В больнице она. О том, чтобы к нему на свидание приехать, и речи быть не может. А его к ней не отпускают...

И адвокаты за него. Делают все, что в их силах. Но не в состоянии они помочь Никите. Зато Сапунов со своей службой безопасности может многое. И Вершинин со Светловым не собираются сидеть сложа руки. Все вместе – они действенная сила. Они на все пойдут ради него. Даже на то, чтобы уничтожить главное доказательство его вины – злосчастный ствол с его пальчиками. В принципе это возможно...

У Никиты есть надежда. Поэтому он не унывает. Сегодня его перевезут в следственный изолятор. Светлов и Вершинин сделают все, чтобы он попал в одиночную камеру. Не обязательно с холодильником и телевизором. Лишь бы никто его не доставал.

Кто-то ведет против Никиты игру. Этот кто-то – очень серьезный противник. Никита мысленно называл его Врагом. Счет в его пользу. И если не переломить ход игры, противник выиграет и получит приз – голову Никиты. Вряд ли Враг удовлетворится лишь обвинительным приговором. Он сделает все, чтобы Никита расстался с жизнью.

Ни Сапунов, ни Светлов с Вершининым пока не могут вычислить неведомого противника. Но ничего, у них все впереди.

А пока нужно держать удар...

Никиту вывели во внутренний двор изолятора. Обшмонали и бегом загнали в автозак – специальную машину для перевозки заключенных. Веселая прогулка для миллионера – ничего не скажешь...

Он слышал, за границей любители острых ощущений платят деньги, чтобы оказаться в подобной ситуации. Нервы себе пощекотать. На часик, на два, максимум на сутки себя за решетку сажают. Но это все ненастоящее. Ведь они знают, что скоро их выпустят. А у Никиты все по-настоящему. И бесплатно...

* * *

«Матросская тишина». Мрачный гулкий коридор, темные шершавые стены, железные двери. Тяжелая поступь конвоира. И его грозный окрик:

– Стоять! Лицом к стене!..

Никита выполнил команду. А что оставалось делать?..

Лязг отпираемого замка, скрип железной двери.

– Пошел!

Никита оказался в камере. Остановился на пороге, осмотрелся.

Ничего необычного. Просторная камера. Железные койки в два яруса. Мест много, но все они заняты. Свободное место только у параша. Классический вариант.

Запах соответствующий. Немытые тела, вонючие носки. Атмосфера угнетающая. Спертый воздух, чей-то чахоточный кашель в углу возле окна. Десятки пар глаз – взгляды злые, равнодушные, сочувствующие.

Посреди камеры в проходе между нарами грубо сколоченный стол. За ним четыре крепких парня. В картишки перебрасываются.

В камере душно – игроки в одних майках. Видно, как размалеваны их тела. Расписная благота...

Никита мог иронизировать сколько угодно. Но только в душе. Нельзя, чтобы насмешка прорвалась наружу. Ребята могут не понять насмешки...

В дерьмовое место он попал. Есть, конечно, «номера» и много хуже. Те, которые метра на два ниже уровня земли. Но это для покойников. А Никита пока еще жив... Пока...

Блатари видели, слышали, как в камеру ввели нового постояльца. Те, которые сидели к нему спиной, обернулись, впились в него глазами-буравчиками.

– Кто такой? – грубо спросил один.

– Сто пятая, пункт второй...

– Погоняло?..

– В Бутырке Братом крестили. Девяносто третий год...

– Кто?..

– Король.

– Да ну, гонишь!

– Отвечаю...

– Король – это круто...

– Пацаны, мне бы присесть.

Свободное место только у «толкана». Но это при том, что кое-кто под шконками, на полу ночует. И под свободной койкой какой-то тип. В красном спортивном костюме. Рядом с ним на полу еще какой-то мурик сидит. Толстенький, губы пухлые. Майка на нем красная.

– Это, что ли, «петушиный» угол? – взглядом показал на них Никита.

Первое неписаное правило «прописки» – узнать, где место для «петухов». Чтобы не коснуться их ненароком. Иначе сам попадешь в число изгоев. Вмиг опустят. Может, и не опетуют, но «парашником» сделают. И на «крытке», и у хозяина будешь сортиры драить.

– А ты чо, «петух»? – громко выкрикнул второй блатарь.

Молодой, ранний. И чересчур приткий. Только не тем способом авторитет себе зарабатывает. Думал, шутку его поддержат. Но нет, вместо смеха напряженное молчание. Все ждут, как новичок отреагирует на оскорбление.

Никита улыбнулся блатарю. Подошел к нему.

– Я не «петух», – с той же улыбкой покачал головой.

Никто и понять не успел, как блатарь слетел со скамьи. Быстрый удар в переносицу швырнул его на пол.

– Ой-е! Е-е-е!.. – застонал блатарь.

Попытался подняться.

Никита отступил назад. И не напрасно. Блатные повскакивали со своих мест. И все шагнули в его сторону. В глазах и угроза, и любопытство одновременно.

Они медленно надвигались на Никиту. Но не нападали. Буравили взглядами.

– Знаю тебя, – сказал один. – Тебя по «ящичку» показывали. Никита Брат. Типа олигарх...

– Ты бабу завалил. Секретаршу свою, – добавил второй.

Никита – личность известная. Нет-нет да покажут по телевизору. А еще тюремная почта тут неплохо работает. Знает братва, что к ним с Петровки олигарха гонят.

Только никакой он не олигарх. Но не место и не время объяснять это.

– Это мои проблемы...

Никита не расслаблялся. Отслеживал обстановку. Готов был отреагировать на удар. Первым не бил – разжигать конфликт не в его интересах.

– Заревновал телку? – осклабился третий. И примирительно добавил: – Ничего, бывает...

– Урою гада! – заревел четвертый.

Оправился после удара. На обидчика с воем ринулся. Только браток из его же кентовки остановил его.

– Остынь, Молекула. Сам косяк упорол...

Никиту «прописали» в камере. Выделили ему место поближе к окну. Все-таки олигарх. Да еще самим Королем крещенный. Но на сближение с ним блатная кентовка не шла. Не признавала в нем своего. Впрочем, Никита и не настаивал.

Первые три дня прошли спокойно. Никита жил – не тужил. Ужасные условия содержания донимали его – не без этого. Но это терпимо. Куда хуже – заточка в бок или петля на шею.

Помимо блатных, в камере много «простых смертных». Один по пьяни голову кому-то проломил – за решетку его. Другой начальнику морду поделом начистил – тоже провинность. Третий – злостный неплательщик алиментов – ну это ваще. Ну и самый опасный преступник – это дядя Леша, за бабку заступился, когда ее мент дубиной с рынка гнал. Мент двух-трех зубов недосчитался, а дядя Леша недосчитается трех лет в своей жизни, а может, и на больший срок упекут. И воровская масть широко представлена. Один отвертку с завода утащил, второй жрать хотел – булку хлеба из магазина украл, третий у соседа курицу спер. И взяточник тут, а как же без этого. Участковый врач – у «доброжелательного» пациента пятьдесят рублей взял. Беспредел, в натуре.

Очень серьезные преступления – ничего не скажешь. А кто по мелочовке действует, те на свободе. Ну разве замочить пару-тройку бизнесменов по заказу – это преступление? А миллион пять долларов из банка прикарманить – вообще пустяк. Взятку принять на пару «лимонов» баксов – ну тут дело к подвигу приравнивается. А кредит на миллиард «вечнозеленых» присвоить – это уже героизм чистой воды, надо забугорных буржуев на бабки поставить, чтобы им жизнь медом не казалась.

Никита даже удивился, когда однажды в камеру ввалились два бугая с квадратными репами. Братки-рэкетмены пожаловали. Их-то за что?.. Ведь на свободе они общественно полезным делом занимались – излишки финансовых средств изымали. Население воспитывали

– тоже нужное дело. Вон как кулаки в ходе воспитательного процесса набиты. В поте лица ребята трудились. А их от дела оторвали, за решетку оформили.

Ребятки вошли в камеру без лишнего шума. Разве что на Никиту покосились. То ли он изначально их интересовал, то ли им его место у окна понравилось.

Крепыши не бузили. Заняли свободные места и молча стали устраиваться на постой. Понты не мечут, распальцовку не кидают.

Никита вообще не смотрел в их сторону. Но все видел, все замечал. Не нравились ему эти парни, ой как не нравились. В тихом омуте черти водятся. Как раз тот самый случай.

Ночью братки завалились спать вместе со всеми. И Никита лег. Но не для того, чтобы заснуть. По плану у него всенощное бдение.

Он лежал с закрытыми глазами. Прислушивался к каждому шороху. И одна мысль билась в его сознании – «не заснуть...», «не заснуть...», «не заснуть...».

Камера затихла. Храпы, постанывания, теснота, духота, вонь. Но Никита успел к этому привыкнуть. Комфорта он, конечно, не ощущал, но чувствовал себя сносно...

Чем дальше время уходило в ночь, тем сильнее хотелось спать. Никита не раз проваливался в сон, но тут же выныривал. Смог он вынырнуть и в тот момент, когда послышалось шевеление со стороны братков. Сквозь приоткрытые веки он видел, как поднялся сначала один тип, затем второй. И оба медленно направились к нему.

Никита блаженно улыбнулся – будто сон сладкий приснился. Согнул ногу в колене – мало ли какое положение можно принять...

Не оставалось никаких сомнений, эти двое пришли по его душу. Враг начал игру. Открыл огонь на поражение... Только прогадал он, не так-то просто взять Никиту...

Первый крепыш подошел совсем близко. Никиту как взрывной волной подбросило вверх. Всю свою силу и энергию вложил он в удар. Зарядил братку пяткой в лоб. Голова бедняги получила ускорение пушечного ядра. Она летела через проход, через стол, тело едва поспевало за ней. Как бы шея не лопнула...

Второй браток оторопел от неожиданности. Ровно на секунду выбился из колеи. Но в данном случае секунда – это очень много. Никита успешно доказал это. Он налетел на крепыша, двумя руками ухватил его за шею. И вместе с ним рухнул в проход между шконками. Сам-то он после этого встал, а вот браток остался лежать. Никита склонился над ним. Вроде жив. А ведь можно было его и покойником сделать. Шею свернуть не проблема...

Никита знал, что делать. Надо взять в оборот этих братков. Хотя бы одного расколоть. Узнать, кто их послал, кому они служат. Может, через них он сможет выйти на Врага, дать наколку Светлову с Вершининым. И Сапунову. Они на свободе, пусть развивают тему.

Но братки и в сознание прийти не успели, как открылась дверь. Появились коридорные.
– Эй, что тут за шум? – осторожно спросил один.

Никто им не ответил. Братки в отрубке. А все остальные спят или делают вид, что спят. Никита в том числе.

Но «вертухаям» и без того все понятно. Недолго думая, они привели в чувство братков и увели их с собой. Ни ругани, ни побоев – как будто все они заодно.

Почему как будто?... Враг запросто мог подкупить сотрудников изолятора.

На следующий день Никиту ждал приятный сюрприз. В помещении для допросов он увидел Светлова.

– Насилу к тебе прорвался, – признался тот. – Со всех сторон тебя обложили...

– Сегодня инцидент был, – сказал Никита. – Меня пытались убить...

– Как чувствовал, – поджал губы Светлов. – Не в тот «санаторий» ты попал. В Бутырку тебе надо. Там у меня все схвачено... Здесь тоже есть кое-какие связи. Но все равно не то... Ты продержись денек-два. А я попробую что-нибудь придумать. Вырву тебя из этого изолятора...

– На волю?

– Нет, брат, этого я обещать не могу. Не в моих силах. Слишком круто каша заварена. Но я работаю в этом направлении. Помнишь капитана Брусникина? – Игорь спросил про типа, который его пытал.

– Никогда не забуду.

– В принципе нормальный мужик. Ему сверху дали установку насчет тебя...

– Кто дал?

– Начальник непосредственный. А тому – другой начальник... Я пытался с этой стороны к разгадке подойти. Но глухо – поверь мне...

– Тебе верю.

– Короче говоря, через Брусникина кое-что можно сделать...

– Что именно?

Светлов взял лист бумаги, ручку. Написал одно-единственное слово: «Ствол». Никита все понял. Вот с чьей помощью можно уничтожить вещественное доказательство – главный козырь обвинения. И железный – как в прямом, так и в переносном смысле.

На этом же листке Никита написал: «За ценой не постою».

– Само собой, – вслух сказал Игорь. – Только дело это не скорое. Тут особый подход нужен...

В камеру Никита возвращался в радужном настроении. Слишком крутые у него помощники, чтобы долго засиживаться в изоляторе. Не будет главной улики – лопнет обвинение. Дело, может, не развалится, но до суда его отпустят на волю – под подписку о невыезде или под залог. Правда, до этого еще нужно дожить.

В камере настроение резко ухудшилось. Их полку прибыло. Три новичка добавилось. Да каких! Все как на подбор амбалы, кулаки пудовые, пуленепробиваемые лбы. Эти уже ничего не стесняются. Место Никиты заняли.

– Ну чо вылупился? – гаркнул на Никиту крепыш со свинячьей рожей.

Глазки маленькие, не нос, а натуральный свиной пятак. В детстве Хрюшей был, сейчас матерый Хрюн.

Никита глянул на блатарей. Никто из них не выдержал его многозначительного взгляда. Все отвели глаза в сторону. Вроде бы и не прочь они подписаться под Никиту. Да только с рэкетсменами связываться не хотят. Боятся. Уж больно круто ведут себя братки. Вот если бы кто-то другой с ними справился...

– Место ты мое занял... – ответил Никита.

– Твое место на параше! – взвыл Хрюн.

Он вскочил на ноги. Расправил плечи, поиграл мощными бицепсами. За ним потянулись двое других.

Представление началось.

Неспроста братки здесь появились. Нарочно по адресу Никиты их прописали. Люди Врага – дураку ясно. Их трое. И ночи они дожидаться не будут. Ва-банк идут. Сейчас пустят Никиту в замес. Забьют до смерти. Затем всех остальных на ноги поднимут, заставят его лупить. Окочурится Никита, а братки будто и ни при чем. Он первый начал, на всю толпу попер. Ну и получил.

Хотя вряд ли им отвечать придется. Как только сделают свое дело, тут же уберут их из камеры. На свободу выпустят. Потому как в изолятор их устроили купленные начальники. Незаконно они здесь...

Ребятки хорохорятся. Но не оттого, что уверены в своей силе. Они хорошо знают, кто перед ними. Поэтому максимально собраны, напряжены. А кураж для заводки...

Они приближались медленно. Грозно, неотвратимо. Наступают, но готовы и к контратаке. Никита может броситься на них. Вырубить одного. Но на него тут же набросятся двое

других. Если бы по одному, как в кино. А то ведь одновременно, с разных сторон. Кулаки у них железобетонные. Вот это будет настоящее кино.

У Никиты был только один шанс победить. Застать противника врасплох, за счет фактора внезапности выиграть хотя бы две секунды. Но братки ни на мгновение не расслабятся. Не дают они ему шанса...

Но выход есть.

Никита резко развернулся к двери. И начал барабанить по ней.

– Откройте! Откройте! – визгливо зывал он к надзирателям.

Можно не сомневаться – это глас вопиющего в пустыне. «Вертухай» не услышат его. И дверь откроют только тогда, когда нужно будет выносить его труп. Все схвачено, за все заплачено...

Братки оживились. Жертва запаниковала, значит, морально раздавлена. И не бить ее уже нужно, а добивать. Можно и расслабиться...

– Эй, иди сюда!

Хрюн протянул к нему руку. Видно, за шкирку его ухватить хотел, чтобы на середину камеры вытащить. А там его со всех сторон, со всех сторон... Ногами, ногами...

Но Никита про ноги думал уже сейчас. Про свои ноги. Нет ничего страшней лежащего удара назад, из-под себя, без всякого разворота. В таэквондо такой удар «торнадо» называется. В переводе – «смерть».

Никита умел так бить. Будто чугунная болванка из-под него вылетела. Точный удар пяткой в челюсть. Браток только хрюкнуть успел. Со страшной силой пролетел через всю камеру, по пути сшиб одного братка, стол, скамью. Затих где-то под нарами.

Никита резко развернулся. Можно было ударить с прыжка второй ногой. Но не та концентрация удара. Да и скорость не та. Пока дойдет нога до братка, тот может прийти в себя, поставить блок, ударить в ответ.

Но есть другой вариант. Никита стремительно нырнул братку под ноги. На скорости уперся плечом в колени, руками обхватил щиколотки, резко с подъемом рванул на себя. Ноги высоко взлетели вверх, голова с ускорением понеслась вниз. Послышался звук – будто переспелый арбуз хлопнулся о пол да лопнул. Крепко приложился браток затылком. Не скоро в себя придет. Если придет...

Крепыш, которого снес Хрюн, уже вскочил на ноги и ринулся в бой. Никита не успевал отразить удар. Но у него еще есть секунда, чтобы спружинить на ногах и послать тело во врага.

Никита получил мощный удар головой под дых. Сила удара удвоилась ускорением, которое он придал себе сам. Но это же ускорение утроило силу толчка, которым Никита наградил соперника. Браток отлетел к стене. Секунда-две выиграны.

Но и сам Никита тоже прилип к стене, к противоположной. С трудом устоял на ногах. Боль, дыхание сбито. Чтобы оправиться от удара, секунды три нужно как минимум. А противник ждать не будет...

Но Никите определено везло. Браток отлетел в «петушиный» угол. Сшиб с ног «петуха» Людку. Грохнулся на задницу, стукнулся головой о стену. Но это не самое страшное для него. Куда страшней оказался Людка. «Дырявый» потерял равновесие и слишком резво попытался его восстановить. Снова упал, но на этот раз крайне неудачно. В падении губами приложился к щеке братка.

Такого финала не ожидал никто. Но раньше всех его приняли блатные. К этому времени они уже поняли, на чьей стороне сила. И вошли в кураж.

Два крепыша валялись в полном отрубке. В их глазах они просто упали. А вот третий... Блатари вспомнили о неписанных правилах тюремного бытия.

К «петухам» нельзя даже прикасаться. А третий браток с ним поцеловался. Блатари заревели, как слоны, сто лет не видевшие слоних.

– В натуре, офоршмачился гнус...

Амбал с силой оттолкнул от себя «петуха» Людку. Даже прошелся кулаком ему по мордасам. Поднялся на ноги. Но в глазах всей арестантской братии он продолжал оставаться на уровне канализационной трубы. Достаточно было глянуть на гнусные улыбки блатарей, чтобы понять, какая участь уготована крепышу.

Никита слышал, что в последнее время «петухи» заставили считаться с собой. Бывало, доведенные до белого каления изгой бросались с поцелуями на обидчиков и этим автоматически переводили их в разряд «обиженных». «Петухов» за это убивали, но законтаченный все равно был обречен. Если его и не опустят до уровня «петуха», то выше «парашника» ему ни в жизнь уже не подняться...

И этот законтаченный амбал обречен. «Петух» не нарочно приложился к нему. Но это никого не волнует – нарочно или нет. Главное – результат...

С гнусными ухмылками блатные подошли к братку.

– Ну че, Муська, узлы хавать будешь?..

– Чо ты сказал?.. – вздернулся браток.

Он глянул на двух своих дружков – лежат и не шевелятся. Перевел взгляд на Никиту. Понял, что тот готов добить его. А еще блатные круто наехали... Приуныл браток.

Только не отведали блатар свежей «петушатинки». Отворилась дверь. И снова «вертухай» вытащили подсадных. Опять без результата.

Жаль, что их увели. Не потому, что Никита хотел посмотреть, как будут опускать братка. Это мерзко.

Но ему очень хотелось поговорить с братками. Может, кого-нибудь да расколол бы...

* * *

– Брат, на выход, с вещами!.. – громко объявил надзиратель.

Никита не заставил себя долго ждать.

– Руки за спину!.. Лицом к стене!..

Неужели его переводят в другой изолятор? Неужели Светлов смог добиться перевода?

И точно, его вывели во внутренний двор. А там уже загружался автозак.

«Воронки» был полон. Этим рейсом в Бутырку переправляли не только Никиту. В одном боксе с ним оказался какой-то мрачный тип с грубым лицом – словно его вытесал из камня пьяный скульптор. Зато руки у него – само совершенство. Благородная линия ладони, длинные, как у пианиста, пальцы.

На Никиту он не обращал никакого внимания. Зато то и дело украдкой поглядывал на запор решетки.

Дверь автозака закрылась. Один конвоир, вооруженный пистолетом, остался в проходе между зарешеченными камерами. Его напарник забрался в кабину водителя. Машина тронулась с места, минут через пять уже полным ходом шла по городским улицам.

Сокамерник Никиты начал перемигиваться с братвой из соседних боксов. Те зашевелились, затеяли возню. В одном боксе вспыхнуло что-то вроде разборки. Все внимание конвоира туда. А мрачный тип своими музыкальными пальчиками принялся за замок, незаметно для конвоира орудовал тонкой шпилькой – как он только смог ее сюда пронести?

Наверняка это был профессиональный вор-домушник. Для него такой замок – пустяк. Тем более запор на решетке доживал свой век, на честном слове держался.

Никита мог бы вмешаться. Остановить взломщика. Но зачем ему это? Он пресечет побег. Но в СИЗО все равно попадет не простым арестантом, а козлом, пособником ментов. И тогда лучше сразу повеситься, чем попасть в общую камеру. Страшно даже представить, как там его встретят.

И вообще, с какой стати он должен помогать ментам? Они что, это заслужили?..

А взломщик закончил свое дело. Рывком распахнул решетку, ворвался в проход. Сцепился с охранником, свалил его на пол. И двумя-тремя мощными ударами выбил из него сознание. Отобрал у него пистолет. И нажал аварийную кнопку вызова.

Машина остановилась. Не прошло и минуты, как дверь автозака открылась. В дверном проеме появилось встревоженное лицо лейтенанта.

– У-лю-лю! – Взломщик сунул пистолет ему под нос.

Лейтенант от испуга чуть в обморок не бухнулся.

– Залезай ко мне, голубок. Только живо...

Пока конвоир влезал в салон, взломщик забрал у него связку ключей. И бросил ее в клетку своим корешам. Затем помог перепуганному лейтенанту успокоиться – рубанул по шее рукоятку пистолета. А сам выскочил из будки.

Его кореша вскрыли замок, один из них быстро разоружил лейтенанта, забрал у него пистолет.

Появился взломщик – он был не один, толкал впереди себя смертельно напуганного водителя. Уголовники помогли втянуть его в салон, оглушили ударом по голове. И начали выпрыгивать из машины.

Никиту с собой не приглашали. Но удержаться он не смог. Выскочил из салона вслед за другими.

Мысль о побеге вдохновила его. Пусть этим он только подтвердит свою вину. Зато у него будут развязаны руки. И он сможет самолично найти негодяя, который подставил его под убийство.

А потом, ему нельзя в Бутырку. Вдруг Светлов не сможет оградить его от убийц и там?..

Взломщик не терялся. Первым добежал до «Газели», припаркованной к обочине метрах в десяти от автозака. Это было такси, «маршрутка».

Водитель только что высадил одного пассажира. И собирался продолжить путь. Но не тут-то было. Взломщик резво открыл правую переднюю дверцу, вышвырнул из кабины какого-то юнца. Наставил на водителя пистолет.

Кто-то из его пособников открыл другую дверь и нырнул в салон микроавтобуса. Никита не зевал и присоединился к уголовной компании, последним забрался в машину. Задвинул за собой дверь.

В салоне люди. Две женщины и трое мужчин.

«Газель» тронулась с места, начала набирать ход.

– Бабы! – заржал один уголовник. – Соскучился по бабам... Девки, кто на меня? Налетай!..

Здоровенный, неряшливый, в глазах похоть.

Женщины были в ужасе, мужчины в панике.

– Утомонись! – рявкнул на него взломщик.

Он поставил себя над беглецами. И никто не оспаривал его верховенство.

– Не до баб, – поддержал взломщика третий беглец. – Это, типа, наши заложники...

Амбалистого вида паренек. Спортивный костюм. Морда в три наката, не глаза – амбразуры дзота.

Женщинам как будто полегчало. Хотя в глазах по-прежнему страх и отчаяние.

– Не трахать их будем, а бабки с них скачаем... – сказал четвертый.

Высокий, худой, руки длинные, как плети. Лицо изрыто оспой, щербатый рот. В руке у него пистолет.

Никита молчал. Ему было жаль пассажиров. Его бы воля, он бы высадил их из машины прямо сейчас. Но никто не позволит ему это сделать.

Амбалистый протянул руки к ближайшему заложнику. Схватил его за грудки.

– Бабки давай!..

– Оставь его! – снова вмешался взломщик. – Это мы еще успеем...

Заложников оставили в покое. Никита был рад этому. Если бы их просто грабили, он бы промолчал. Но вряд ли бы он стерпел, если бы уголовники начали насиловать женщин.

Беглецам везло. «Газель» вышла на окраину столицы, стремительно приближалась к развязке Кольцевой автострады. Два раза на пути показался разъездной ментовский пост. И со стороны ментов абсолютно никакой реакции...

– Ты тот самый Никита Брат? – спросил вдруг неряшливый.

– Допустим... А что?

– Да ничего... Меня Курдюком кличут...

– Антоха, – буркнул спортивного вида парень.

Представился, что называется. И мрачно глянул на Никиту. Агрессии во взгляде нет. Но и приятельского расположения тоже.

Щербатый молчал. Видно, не больно-то хотелось ему открываться перед Никитой. Но Антоха легонько двинул его локтем.

– Назовись...

Оказывается, они между собой незнакомы. Вместе их свел случай.

– Щербина...

Снова тишина. Напряженная тишина. Только слышно, как шуршит скатами по асфальту «Газель».

– Бляха, началось! – взвыл с переднего сиденья взломщик.

На контрольном посту ГИБДД микроавтобус попытались остановить. Но безуспешно. Машина пронеслась мимо постового.

Никита видел из окна, как задергался мент. Что-то кому-то крикнул. Взвыла сирена. И точно, началось.

На хвосте у микроавтобуса повисла ментовская «семерка».

– Жми, падла, на всю катушку жми! – орал взломщик.

Испуганный водитель выжимал из машины все. Но ментовский «жигуль» не отставал. И медленно приближался.

– Не уйдем, Осип, не уйдем... – запаниковал Щербина.

Вот, значит, как взломщика кличут – Осип. Они с Щербиной знают друг друга. Тогда, в автозаке, последний и отвлекал на себя внимание конвоира. А когда уходил, забрал с собой только Антоху и Курдюка. Остальных в автозаке оставил. И Никиту бы оставили, если бы он сам на волю не полез. Зря он это сделал...

– Фигня, у нас заложники, – попытался разрядить обстановку Антоха.

– В задницу их себе засунь! – вызверился на него Осип. – Если этих ментов с хвоста не снять, скоро нас со всех сторон обложат. И заложники не помогут...

– Да не, помогут! – заявил Щербина. – Давай, Осип, тормози лайбу...

– Зачем?..

– Ментов с хвоста снимать!..

«Газель» остановилась. Ментовская «семерка» обогнала ее, остановилась метрах в пяти.

Щербина схватил за волосы ближнюю к нему женщину, выволок ее из машины. Как щитом ею прикрылся. И двинулся к ментам. Осип тоже вывалился из кабины, встал за его спиной.

Из «семерки» выскочил молодой сержантик в бронезилете и с автоматом. Всего один. Молодой, неопытный. Он уже понял, с кем имеет дело. Но не мог пустить в ход оружие – мешала женщина. Ее истошный визг давил на психику – не мог он сосредоточиться.

– Руки в гору! – чуть ли не запаниковал сержантик. – Лицом к маши...

Договорить он не успел. Щербина вытянул руку с пистолетом, выстрелил. Пуля вошла сержанту точно в лоб. И бронежилет не помог.

Осип выступил из-за него – и полным ходом к машине. Выстрел, второй, третий... С водителем «семерки» было покончено.

Обратно в микроавтобус Осип и Щербина возвращались с трофеями. Короткоствольный «АКС-74у» и два «ПМ».

Значит, и водитель ментовской машины был вооружен. Идиот! Надо было прикрыть сержанта, а не оставаться за рулем...

Никите было искренне жаль незадачливых гибэдэдэшников. А Осипа с Щербиной он возненавидел. Но это не мешало ему оставаться с ними. Уж такова действительность – по воле жестокого случая они попали в одну связку.

Щербина втолкнул в салон женщину, которой прикрывался. Забрался вслед за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.